18+

Георгий Анатольевич Шатай
Год гнева Господня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67243755
ISBN 9785005615336

Аннотация

Начало Столетней войны, год 1348-й от Р. Х. Позднее Средневековье без штампов и предрассудков, далекое и близкое. От земель тангутов до английской Аквитании – включая Русь, крымскую Готию, генуэзцев и прочая. Черная Смерть, каготы, рутьеры, алхимия, медицина, пророчества, каббала, новые земли, начало охоты на ведьм. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог 5
Глава 1 16
Конец ознакомительного фрагмента. 139

Год гнева Господня

Георгий Анатольевич Шатай

© Георгий Анатольевич Шатай, 2022

ISBN 978-5-0056-1533-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

Anno Domini MCCCXXXIII, западные пределы империи Юань

– Прости, что нарушаю твой покой, господин, – прошелестел из-за полога цатхира[1] тихий голос писаря-суруксута, вкрадчивый и обволакивающий, словно незрелая хурма. – Но у меня важные новости.

Эл-Тэмур ничего не ответил вошедшему, лишь чуть заметно кивнул головой. Суруксут, почтительно согнувшись и стараясь не смотреть в красные от бессонницы глаза стареющего сэнгуна[2], семенящим шагом подошел ближе.

– Только что схватили лазутчика, – продолжил писарь. – Похоже, он из Кара-Корта. Пытался пробраться ночью через наши обозы. Утверждает, что имеет важный разговор к тебе, господин. Говорит, что знает слабые места в обороне крепости; что поможет тебе взять город в обмен на небольшое вознаграждение. Прикажешь привести его, мой господин?

Слегка раскачиваясь из стороны в сторону, Эл-Тэмур неохотно приоткрыл набухшие веки:

– Веди. И поторопись. Скоро светает.

---

[1] Цатхир – большая прямоугольная палатка с вертикальными тканными стенками.

[2] Полководца.

Холодный утренний воздух назойливо просачивался сквозь войлочные щели, вытягивал остатки тепла. Эл-Тэмур ненавидел эти места. Даже сейчас, ранней весной, они нагоняли на него тоску и уныние. Безлюдные каменистые пустоши, скалы, покрытые блестящей пленкой «пустынного загара», солончаки да холмы с редкими порослями тамариска и дикого ревеня. Редко-редко промелькнет меж камней змейка-стрела, высунется из своей норы сурок-тарбаган или прощебечет в небе стайка сорокопутов – и снова гнетущая тишина и безлюдье.

Тургахуты[3] ввели изможденного тангута, одетого в пропитанный пылью тулуп и потертую остроконечную шапку. От пленника смердило застарелым потом и звериным запахом страха. Эл-Тэмур слишком часто слышал этот запах, чтобы спутать его с чем-то другим. Едва переступив порог, лазутчик поспешно опустился на колени и прильнул лицом к разостланному на земле ковру.

– Как твое имя, тангут? – не размыкая сонных век, спросил Эл-Тэмур.

– Цихох, повелитель, – пленник попытался было поднять голову, но тут же почувствовал упершееся ему в шею острие копья. – Я могу быть тебе полезен, повелитель. Я знаю, куда кара-кортский наместник Хордаут приказал спрятать сокровища Черного города.

Едва заметное оживление промелькнуло в раскосых гла-

---

[3] Воины дневной стражи.

зах Эл-Тэмура. Кто знает, вдруг все эти рассказы о восьмидесяти арбах, груженых кара-кортским золотом – и не легенды вовсе?

– Продолжай, – кивнул он.

– Я прошу для себя лишь малую часть от этих несметных сокровищ, повелитель, лишь малую! – перебежчик опять было дернулся головой и снова уперся шеей в острие копья.

– Найти золото в вашем иссохшем городишке мои воины смогут и сами. Они перевернут его вверх дном и отыщут все до последней крупинки. За что мне платить тебе?

– За жизни, повелитель. За жизни твоих храбрых воинов, что погибнут при штурме Черного города. И поверь мне – их будет немало. Кому, как не мне, знать эти стены. Но я знаю и другое….

– Говори, – все тем же бесстрастным голосом повелел Эл-Тэмур.

– Я знаю уязвимое место этой крепости. Я видел, у вас есть камнеметные машины. Я укажу, куда нужно бить. Два-три десятка камней – и вы разрушите стену. Хордаут не знает – и никто не знает – что в том месте она полая. Они не успеют организовать оборону у пролома. Вам останется перебить два десятка лучников – и вы окажетесь в крепости.

– Сладки речи твои, тангут. И сколько же золота ты хочешь? – острый взгляд Эл-Тэмура скользнул по лицу пленника. Тот, помявшись, ответил:

– Столько, сколько смогу унести на себе, повелитель. Это

очень скромная цена за жизни твоих храбрейших воинов.

– Хорошо, если все будет так, как ты говоришь, ты получишь свое золото. Ты же сказал, что знаешь, где оно?

– Хордаут приказал спрятать его на дне старого колодца в северо-западном углу крепости, рядом с большим субурганом[4]. Я покажу место.

Эл-Тэмур не спеша поднялся на ноги и направился к выходу из шатра.

– Пойдешь с нами. Если солгал мне хоть в чем-то – тебя сварят заживо. А теперь говори, что ты делал в нашем обозе ночью? Что ты разнюхивал? Кто тебя послал и зачем?

– Клянусь, повелитель, я ничего не разнюхивал, – затараторил Цихох. – Я вышел из Кара-Корта четыре ночи назад, чтобы идти в Западный город. Но мне не удалось пройти: Сурочья долина оказалась вся затоплена. Я встретил рыбака, он сказал мне, что когда обрушилась гора Циньчжоу, она изменила русло реки Хэйхэ. Тогда я пошел назад в Кара-Корт. Твои обозы перегородили урочище Торой-онцэ, поэтому я решил пробраться через них в темноте…

Снаружи уже почти рассвело. Холодный восточный ветер с завыванием кружил над холмами черную песчаную пыль. Огни на крепостной стене Кара-Корта тихо догорали в исчезающем полумраке пустынного утра.

Что-то насторожило опытный глаз Эл-Тэмура. Он долго вглядывался в размытые очертания крепости, пытаясь по-

---

[4] Субурган – мемориальное сооружение, хранилище реликвий.

нять, что было не так. Огни на высоких глинобитных стенах по-прежнему не шевелились. Подозвав к себе жестом суруксута, Эл-Тэмур приказал выслать к крепости конных разведчиков. Вернувшись, те подтвердили, что не увидели на стенах никого, лишь догоравшие факелы. «Что за уловку на этот раз решили устроить проклятые тангуты?» раздраженно подумал Эл-Тэмур.

– Сколько всего жителей в Кара-Корте? – спросил он переминавшегося неподалеку Цихоха.

– Около шести сотен, повелитель. Из них сотни две мужчин, способных сражаться.

«Они не могли выйти из города незамеченными, с лошадьми, женщинами и поклажей», рассуждал Эл-Тэмур. «С трех сторон город окружен моими воинами, а с юга – высокими горами, по которым даже днем карабкаться небезопасно».

– Выдвигаемся, – наконец, приказал Эл-Тэмур. – Вывести камнеметы на удаление ста шагов и ждать приказа.

Цихох, как и обещал, показал слабое место в крепостной кладке. Все то время, пока камнеметы дробили северную стену, ни единой стрелы не прилетело с той стороны. Кара-Корт как будто вымер за эту ночь.

Тангут-перебежчик не соврал. Хватило двух десятков камней, чтобы стена у северо-западной угловой башни рассыпалась, как комок высохшей грязи. Но ни один человек не появился в проломе, не принялся заваливать его камня-

ми.

Эл-Тэмур махнул рукой, и легкая конница неспешно двинулась к проему, держа луки наготове. Ни единого звука не доносилось со стороны крепости, лишь ледяной ветер, подвывая, швырял в глаза песчаную пыль.

Передовой отряд прошел через пролом, за ним еще один, и еще. Эл-Тэмур взглянул на трусившего неподалеку тангута. На лице того без труда читалось недоумение, замешательство и страх за свою вдруг ставшую почти бесполезной жизнь.

Воины Эл-Тэмура обыскали каждый дом, каждую фанзу[5], каждый закуток этого пустынного города. Ни души. Все жители Кара-Корта каким-то непостижимым образом исчезли этой ночью. Предварительно отравив своих овец, коз и даже собак, трупами которых были устланы мощеные камнем улицы.

И, разумеется, никаких следов сказочных богатств. Лишь разбитая глиняная посуда повсюду, да рассыпанное зерно, по которому сновали полчища голодных крыс.

Эл-Тэмур подозвал к себе трясущегося от страха тангута:

– Я передумал. Я не стану варить тебя заживо. Дерево здесь слишком ценно, чтобы тратить его попусту. Я просто прикажу содрать с тебя кожу. Если, конечно, мы не найдем здесь твоего золота.

---

[5] Фанза – традиционное жилище с двускатной крышей из соломы, тростника или черепицы.

Цихох попытался что-то ответить, но смог выдавить из себя лишь несколько клокочущих звуков. Откашлявшись и сглотнув слюну, он указал рукой на северо-запад, суетливо бормоча:

– Старый колодец там, там должно быть золото, я сам слышал, как Хордаут приказывал, он не знал, что я слышу, золото наверняка там…

Старый глинобитный кудук[6] был завален камнями и трупами собак. Цихох торопливо принялся оттаскивать их в сторону. Эл-Тэмур, скривившись, наблюдал за его суетливыми движениями. Разумеется, никакого золота здесь нет и, скорее всего, никогда не было; но эти попытки завшивленного тангута продлить свою никчемную жизнь были, по крайней мере, забавны.

Изодранными в кровь руками Цихох ухватился за каменную крышку колодца и попытался ее сдвинуть, сопровождаемый насмешками окруживших его всадников. Эл-Тэмур жестом приказал одному из них спешиться и помочь тангуту. Крышка понемногу начала поддаваться.

Не успели они сдвинуть с места каменную плиту, как из-под нее вдруг выскочила почерневшая рука со скрюченными костлявыми пальцами. Всадники мгновенно отпрянули и схватились за луки. Затем осторожно приблизились к колодцу.

Это была рука мертвеца. Старый колодец оказался весь

---

[6] Колодец.

заполнен уже начавшими разлагаться трупами. Но самое жуткое было не это. Почерневшие трупы в колодце едва заметно шевелились. Правда, недолго. Через несколько мгновений всё замерло, лишь одинокий сыч продолжал зловеще кричать с вершины остроконечного субургана.

«Если Хордаут зачем-то завалил трупами старый колодец, возможно, на дне его действительно что-то спрятано», рассуждал Эл-Тэмур. «Быть может, он понадеялся, что мы испугаемся мертвецов и не полезем внутрь. А для верности придумал какую-нибудь хитрость с шевелящимися трупами – он ведь большой мастер на такого рода уловки».

Внезапно черная костлявая рука снова зашевелилась. Стоявшие неподалеку воины отшатнулись и испуганно зашептали молитвы: кто Небесному Духу Тенгри, кто Аллаху, милостивому и милосердному, кто христианскому богу Есу. На этот раз холодная рука страха схватила за кишки и самого Эл-Тэмура. Чтобы скрыть испуг, он резко соскочил с коня и на негнущихся ногах направился к колодцу.

– Господин, заклинаю тебя, не ходи! – заверещал сзади дрожащий голос суруксута. – Я слышал, у тангутов есть сказание про белого червя, что живет в утробе земли и пожирает мертвецов. Говорят, в этих местах часто находят умерших с выеденным сердцем или выпотрошенными внутренностями…

Черная рука в колодце снова дернулась. Но на этот раз Эл-Тэмур выдохнул с облегчением. Через мягкие подошвы

сафьяновых сапог он чувствовал легкую дрожь земли. «Это всего лишь землетрясение». Вскоре это поняли и остальные.

– Сколько глубина этого колодца? – спросил Эл-Тэмур у пленного тангута.

– Не меньше трех чжан[7], – поспешно ответил тот.

– Возьми у Тогтоха багор и очисти колодец. Конечно, если ты все еще уверен, что золото там, – криво усмехнулся Эл-Тэмур.

По его приказу несколько воинов сдвинули до конца каменную крышку колодца, сбросив ее на землю. Тангут взял в руки стальной осадный багор и попытался воткнуть его в лежавший сверху труп. Безуспешно. Тангут замахнулся еще раз. Багор снова соскользнул. Эл-Тэмур молча кивнул одному из своих стражников, богатырю Тогтоху. Тот выхватил багор из рук ослабевшего тангута и ударил им по трупу. Несмотря на мощный замах, крюк багра едва вошел в мертвую плоть. Стражник с удивлением посмотрел на Эл-Тэмура.

– Просто сильное окоченение, – спокойно произнес тот. – Бей сильнее.

Пока тангут и стражник возились с колодцем, Эл-Тэмур решил осмотреть окрестные постройки. Брезгливо ступая между сновавшими по земле крысами и трупами животных, он подошел к большому субургану, возвышавшемуся неподалеку. Внутри Эл-Тэмур обнаружил множество глиняных

---

[7] Около 9 метров.

цаца – статуэток божеств, две большие статуи с позолоченными лицами, настенную фреску с изображением зелёного двухголового попугая, а также разбросанные в беспорядке свитки с тангутскими письменами. Ничего интересного, обычный субурган.

Эл-Тэмур вернулся в свой шатер. «Пора уезжать из этого мертвого города. Куда бы ни делись его жители, здесь их больше нет. Как и обещанных сокровищ».

– Суруксут! – раздраженно окликнул он писаря.

Через пару мгновений на пороге показалась знакомая склоненная фигура.

– Сходи узнай, закончили ли они там с колодцем, и если ничего не нашли – прикажи Тогтоху отрубить голову этому лживому тангуту.

– Будет исполнено, – поклонился писарь и исчез за пологом цатхира. Эл-Тэмур снова впал в сонную полудрему. Из далекого мира грез улыбалась ему красавица Юлдуз, державшая на руках их первенца Тэнгиса. Внезапно ребенок перестал смеяться, серьезно посмотрел на отца и тихо прошептал: «Прости, что нарушаю твой покой, господин». Эл-Тэмур вздрогнул.

– Прости, что нарушаю твой покой, господин, – донесся с порога тихий голос суруксута. – Ты приказал сходить к колодцу проверить. Они ничего не нашли там, только трупы.

Эл-Тэмур очнулся и молча кивнул.

– Ты также приказал казнить тангута. Но Великое Небо

избавило нас от лишних хлопот. Презренный тангут умер сам, внезапно захрипев и захлебнувшись собственной кровью.

Эл-Тэмур снова молча кивнул. Завтра с утра он покинет этот зловещий город и направится обратно в Хубей, туда, где ждет его луноликая Юлдуз с заливисто смеющимся младенцем Тэнгисом.

Глава 1

Июньское солнце выглянуло из-за низких прибрежных туч, и морская прохлада тут же сменилась палящим зноем. Природу словно лихорадило в последнее время. Ивар скинул на руку потертый пурпуэн[8] и, зажмурившись, подставил лицо жарким лучам. «Что-то меняется в этом мире, что-то неуловимое, неподвластное пониманию. Как будто само время незаметно меняет свой цвет».

Старенький генуэзский ког, поскрипывая смолеными боками, неспешно скользил по лазурным волнам Аквитанского моря[9]. Разморенные летней жарой, матросы попрятались кто в трюм, кто под навесы «замков», зубчатых надстроек на баке и юте, возведенных для защиты стрелков во время военных действий. Негоциант Джакомо Барбавера, владелец и шкипер[10] судна, что-то кричал, придерживая румпель[11], возившемуся под парусом тщедушному матросу.

– Сильнее выбирай, вареная ты кошка, беззубый червяк, шпирон[12] тебе под хвост! – сквозь порывы ветра донеслась

---

[8] Стеганая куртка.

[9] Современный Бискайский залив.

[10] Слово «капитан» в те времена означало командира воинского подразделения, капитан же корабля назывался шкипером или «корабельным мастером».

[11] Рычаг, служащий для поворачивания корабельного руля.

[12] Острый выступ на носу галеры, таран и водорез.

до Ивара беззлобная ругань шкипера.

Матрос и впрямь был на удивление тщедушен и неказист: маленького роста, с донельзя узкими плечами, перекошенным ртом и огромными глазами навыкате.

«И как только такого взяли в плавание, он же едва на ногах держится?» Словно перехватив немой вопрос Ивара, шкипер Барбавера обронил как бы в сторону:

– Если б не его покойный отец…. Он сильно мне помог в свое время. Вдова умоляла взять младшего сына хотя бы матросом. Я честно сказал ей, что в море он долго не протянет. Но что поделаешь… Они почти все такие, тридцатилетние. Голодное поколение…

– «Голодное поколение»? – переспросил Ивар.

– Ну да, – кивнул головой Барбавера. – Ты разве не помнишь Великий голод? Ах да, ты ж наверняка еще не родился тогда. – Генуэзец, нестарый еще темноволосый мужчина с лохматой седеющей бородой, ровными крепкими зубами и свернутым набок массивным носом, разговаривал неспешно, словно выплевывая докучливые слова, застрявшие у него в зубах.

– Голод тот был послан Небесами как бич для исправления, – послышался из-за спины Ивара негромкий бархатный голос, – равно как во дни Илии заключено было небо на три года и шесть месяцев, и сделался большой голод по всей земле.

Адам Лебель, стареющий священник с правильными чер-

тами слегка вытянутого лица и мягкими манерами кафедрального каноника, обладал удивительным умением появляться словно из ниоткуда. Как и Ивар, он направлялся из Саутгемптона в Гиень, по одному ему ведомым надобностям. Одет каноник был не в привычную черную сутану, но в дорогое светское платье, выдававшее в нем человека небедного и не чуждающегося мирских соблазнов.

– Те семь голодных лет были семью колосьями пустыми, опаленными восточным ветром, о которых Иосиф толковал фараону… – продолжил свою речь каноник Адам.

– О святой отец, есть ли хоть что-то в подлунном мире, чему вы не нашли бы подкрепления на страницах Писания? – ехидно улыбаясь, вмешался в разговор еще один попутчик Ивара, молодой человек по имени Граций де Севиль.

Они познакомились еще в Саутгемптоне, в порту. Там же словоохотливый юноша поведал Ивару свою историю. Будучи младшим отпрыском и без того небогатого андалузского идальго, Граций, с детства отличавшийся искусностью в плетении словес и небылиц, отправился пытать счастья при кастильском дворе Альфонсо Справедливого. Весьма скоро он снискал доверие и благорасположение наследника короны, юного принца Педро. Однако происки придворных недоброжелателей, почтенные супруги которых слишком уж пылко восторгались терцинами[13] и прочими достоинствами молодого менестреля, сделали пребывание Грация в Бургосе

[13] Терцина – стихотворение, написанное терцетами с перехлестной рифмовкой.

до крайности неудобным и даже опасным. Поэтому король Альфонсо, несмотря на бурные протесты сына, предпочел отправить менестреля от греха подальше, в далекую Англию. Там, при дворе Эдуарда III, Граций и обретался последние пару лет, наставляя английскую принцессу Иоанну, сосватанную за Педро, в премудростях кастильского наречия, попутно живописуя ей многочисленные достоинства ее высокородного суженого.

Одетый в небесно-голубую котту[14], расшитую серебристыми бубенчиками, и остроносые шоссы[15] в желто-зеленую полоску, кастильский менестрель напоминал Ивару диковинную птицу пситтакус, что довелось ему видеть однажды у фламандского торговца Жана де Ланга.

– Нет, мой милый Граций, – спокойно возразил каноник Адам на ехидное замечание менестреля, – нет таких вещей, что не были бы отражены в Писании, ибо, как говорил Екклесиаст, сын Давидов, нет ничего нового под солнцем: что было, то и будет, и что делалось, то и будет делаться.

– А как же mundus senescit?[16] – хитро прищурившись, спросил Граций. – Как же Гонорий Августодунский с его шестым возрастом мира, возрастом дряхлости? Сам Дуранте дельи Алигьери уподоблял наш мир плащу, ежечасно укорачиваемому беспощадным Временем. Или же, как писал ве-

---

[14] Туникообразная верхняя одежда с узкими рукавами.

[15] Чулки.

[16] Мир стареет (лат.).

ликий Гийо из Провенса: в стародавние времена люди были красивы и высокорослы, ныне же суть дети и карлики. Взгляните окрест: наука в упадке, весь мир стоит вверх ногами, слепцы ведут слепцов, осел играет на лире, батраки идут служить в войско, Катон зачастил в кабак, а Лукреция стала уличной девкой. То, чего прежде стыдились, теперь превозносится. Все отклонилось от пути своего. Вера была – ничего больше нет, все онемело, утратило цвет.

Каноник Адам покачал головой:

– Похвальны ваши познания в поэтике, но и про то сказано в Писании: не говори «отчего прежние дни были лучше нынешних?», потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом.

– Опять Писание, опять авторитеты древних лет! – запротестовал Граций. – Уж в ваши-то годы, святой отец, не должно ли свое суждение иметь?

– «Свое»?! Суждение не может быть чьим-то, как вода в реке не может принадлежать рыбаку, – убежденно ответил каноник.

– Не знаю, что там с суждением, – неожиданно прогудел густой бас шкипера, – но вода в реке даже не всегда бывает речной.

– О чем это вы, синьор Барбавера? – удивился Граций.

– Видите слева укрепленный городок, который мы только что прошли? Это Руайан. От него начинается жирондский

эстуарий[17]. Выходит так, что мы уже идем по реке. Но чем же она отличается от моря, что было перед Руайаном? Та же соленая вода, те же далекие берега.

Было весьма странно слышать подобные отвлеченные размышления из уст бывалого шкипера, обычно хмурого и неразговорчивого.

– Сколько нам осталось до Бордо, синьор Барбавера? – поинтересовался у шкипера Ивар.

– Миль с пятьдесят. До темноты должны успеть. Если ветер не сменится.

Обогнув длинную песчаную отмель, ког, преодолевая сильное течение, направился к правому берегу эстуария, где на невысоких холмах зеленели сочные травы пастбищ. Чуть выше по течению, на фоне ярко-синего неба и золотистых полей, черным уродцем кривились обгоревшие развалины каменной башни.

– И все же я думаю, святой отец, – вновь обратился к канонику Граций, – что Великий голод был послан Господом не для исправления, как утверждаете вы, а скорее для покарания. Ибо, как известно, король Эдуард II Карнарвонский, покойный отец нынешнего правителя Англии, не отличался безупречностью нравов и высокими добродетелями.

– Это уж точно, – поддакнул шкипер Барбавера. – Только не понял я, почему он Карнар… как вы там его назвали?

– Как, синьор Джакомо, разве вы не слышали ту забавную

---

[17] Длинное и широкое устье реки, затопляемое приливом.

историю про рождение короля Эдуарда II? Рассказывают, он родился в Уэльсе, в замке Карнарвон, как раз об ту пору, когда отец его, достославный Эдуард I, воевал с валлийцами. Точнее, уже закончил воевать и вел долгие переговоры о мире. Столь долгие, что супруга короля успела за то время забеременеть и выносить сына. В конце концов, после многомесячных споров и утомительных пререканий, валлийские бароны выдвинули последнее условие – как им казалось, совершенно неприемлемое для короля Эдуарда. А именно: чтобы правителем Уэльса стал человек, рожденный в Уэльсе и не знающий ни слова по-английски. К удивлению валлийских переговорщиков, король Эдуард легко принял это условие. И не успели валлийцы увязнуть в очередном споре о том, кого им выбрать в правители из знатных родов Уэльса, как король Эдуард, отлучившись ненадолго в свои покои, вернулся в залу переговоров с новорожденным сыном на руках, протянул его валлийцам и с победной улыбкой произнес: «Вот вам ваш правитель – рожденный в Уэльсе и не знающий ни слова по-английски!»

– Ха-ха! – рассмеялся Джакомо Барбавера. – Ловко обстряпано, не придерешься.

– Увы, несмотря на столь удачное рождение, – продолжил Граций, – будущий Эдуард II, которому пророчили славу нового короля Артура, оказался правителем на редкость неудачливым. А неудачливость правителя, словно ка-

мень Магнуса[18], притягивает к себе всевозможные злосчастья. Сначала поражение от шотландцев, затем – Великий голод, потом – неудача в войне за Сен-Сардо, и, наконец, низложение собственной супругой и бесславная смерть в темнице. Синьор Барбавера, вы ведь застали те времена? Говорят, Великий голод почти не затронул южные земли по ту сторону Альп? Вы жили тогда в Генуе, не так ли?

Бородатый шкипер долго молчал, то ли собираясь с мыслями, то ли пытаясь отогнать их, затем нехотя ответил:

– Отец мой в те годы возил товары в Англию и Уэльс. А я был рядовым матросом на его галере. Весной года 1315-го от Рождества Христова мы пришли в Лондон с грузом фламандского сукна. Внезапно начались сильные дожди. Лило так, словно сам небесный свод прохудился, грозясь упасть на землю. Родитель мой простудился и слег. Дожди лили, не переставая, с апреля по октябрь. В начале осени отцу моему стало хуже, и он умер.

– Все так, – поддержал шкипера каноник Адам. – То злосчастное лето застало меня в аббатстве Святого Альбана, недалеко от Лондона, где я имел счастливую возможность изучать «Историю англов» и другие хроники Матвея Парижского, в особенности, его мысли об императоре Фридрихе II, иначе известном как stupor mundi…[19] Но я, кажется, отвлекся. Из-за беспрерывных проливных дождей зерно на полях

---

[18] Магнит.

[19] Изумление мира (лат.).

в тот год не вызрело, а та малая часть его, что удалось собрать, уродилась безвкусной и водянистой, только животы от нее пучило. К тому же, многие колосья оказались покрыты черными наростами, «когтями демонов», как их называли крестьяне. Один монах ордена Святого Антония рассказывал мне, что человека, съевшего такие колосья, вскоре начинает трясти и крючить, будто неведомые демоны терзают его изнутри своими когтями; потом бедняга впадает в неистовство и бред, а тело его начинает чернеть и разлагаться заживо.

– Не только зерно в тот год сгнило на полях, но и сено отсырело и испрело под навесами, – добавил Барбавера. – Скот стал голодать и болеть, начался скотий мор. Из-за ненастья солевары не могли выпаривать рассол. Соли стало мало, цены на нее подскочили. А без соли как сохранить мясо? Вдобавок ко всему, виноград не набрал солнца, муст[20] выходил кислым и сворачивался в уксус. Люди стали пить воду без вина, отчего многие мучались животами и натужным поносом.

– К середине лета в аббатстве кончились почти все припасы, – продолжил каноник Адам, – и многие из монахов, презрев заповеди Христовы, начали недобро коситься на меня, как на объедавшего их нахлебника. Толпы голодных крестьян бродили по стране, направляясь в города, где, однако же, с едой было еще хуже. Не имея хлеба, жители заби-

[20] Неперебродившее вино.

ли почти весь домашний скот и всю птицу, отчего на годы вперед лишились мяса, яиц и молока. Доходило до того, что люди ели лошадей, собак, голубей и даже крыс.

– Что крыс! – воскликнул шкипер с необычной для него горячностью. – Самым тяжким месяцем выдался апрель, когда еды не осталось вовсе. Я сам видел, как лондонцы поедали голубиный помет и свиной навоз. Ходили слухи, что некоторые, доведенные до отчаяния голодом, пожирали собственных детей. Однажды я ехал из Лондона в Кентербери и видел у дороги трех повешенных. У двоих из них были отрезаны, а у одного – обглоданы ноги по колено. Также ходило много слухов о душегубах, похищавших людей, и особенно детей, которых затем свежевали и разделывали, словно скот, и тайно продавали на рынках под видом говяжьего мяса. Многие люди совершенно потеряли человеческий облик. Не знаю почему, но от голода очень сильно росли волосы на голове и теле. И была еще одна странность: трупы умерших от голода и болезней очень быстро начинали чернеть и разлагаться.

– В конце концов, мне пришлось покинуть аббатство Святого Альбана, – продолжил свои воспоминания каноник Адам. – Но незадолго до того – а было это, если не ошибаюсь, в августе – в аббатство прибыл сам покойный король Эдуард II со свитой. И представьте только: король не мог найти себе даже хлеба к обеду! Король всея Англии в отчаянии рассылал верховых по окрестным селениям, но все они верну-

лись ни с чем. Так и пришлось ему ложиться почивать на голодный желудок. Случалось ли подобное с кем из царей земных?!

– Вот уж воистину злосчастный король, – заметил Граций. – Как сказал бы на это мой исландский знакомец Эйстейнн Аусгримссон, не понаслышке знавший о превратностях судьбы: этот человек явно родился без хамингья.

– Без чего? – мрачно переспросил шкипер Барбавера.

– Без удачи, без счастливой судьбы, без духа-хранителя… Сложно перевести.

– Сложно и не нужно, – сурово отрезал каноник Адам. – Вовсе ни к чему засорять свой разум абракадаброй язычников, когда есть слова Священного Писания. «Вот голод и язва, и скорбь и теснота посланы как бичи для исправления. Но при всем этом люди не обратятся от беззаконий своих и о бичах не всегда будут помнить». Так сказано у пророка Ездры. И еще сказано там же: «И поднимутся облака, великие и сильные, полные свирепости, и прольют на всякое место, высокое и возвышенное, многие воды. И затопят город, и стены, и горы, и холмы, и дерева в лесах, и траву в лугах, и хлебные растения их. От голода погибнут очень многие жители земли, а прочие, которые перенесут голод, падут от меча».

Эстуарий постепенно сужался, пологие берега подступали все ближе; уже можно было разглядеть небольшие отары овечек, пасущихся на зеленых лугах, и ровные ряды вино-

градников с редкими саманными постройками между ними.

– Такие пророчества сбываются едва ли не каждый год, святой отец, – после некоторого молчания ответил Граций. – Даже на этих благословенных землях Гиени уже второй десяток лет идет война и время от времени случаются недороды. Но все свыклись с таким положением вещей. Все это слишком далеко от той вселенской катастрофы, что сулят ваши пророки.

– Нам не дано предугадать, далеко или нет, – покачал головой каноник. – Ибо сказано: будет на земле дешевизна во всем, и подумают, что настал мир; но тогда-то и постигнут землю бедствия – меч, голод и великое смятение. А те, кто насмехается над промыслом Божиим, пусть вспомнят «Поэму о дурных временах Эдуарда II»: «и ликом померкнул смеявшийся в голос, склонился в смиреньи вчерашний гордец».

– Боюсь, те далекие годы нанесли вам слишком сильную душевную травму, святой отец, – улыбнулся Граций. – Но времена изменились. И на троне Англии уже давно не злосчастный Эдуард II, а его богоспасаемый сын, Эдуард III Виндзорский. И последние годы Господь явно благоволит ему. Шотландцы разбиты, король их Давид II пленен. Французский узурпатор наголову разбит при Креси, а еще ранее лишен флота у Брюгге. Англичане прочно закрепились на континенте, взяв прошлым летом Кале. Гиень, которую французы привыкли называть Аквитанией, не только осталась за англичанами, но и раздвинула свои границы

вглубь континента, после славных экспедиций Генри Гросмонта, графа Дерби.

– Здесь я не стану возражать, – кивнул каноник Адам. – Я и сам воочию видел, как похорошела Англия в последние годы. С самого Рождества едва ли ни непрерывно устраиваются турниры, маскарады и прочие увеселения. Трофеи, захваченные в Нормандии, Бретани и Гиени, оказались столь богаты, а выкупы за плененных французских рыцарей столь обильны, что едва ли не каждая лондонская кухарка щеголяет нынче во фламандских кружевах, а то и блеснет при случае золотой подвеской.

– А вы видели Савойский дворец, что возвел себе граф Дерби в самом центре Лондона? – спросил Граций. – И это лишь часть тех обильных трофеев, что добыл он из своих шевоше[21] двухлетней давности, коими мессир Гросмонт победоносно распахал земли французского королевства едва ли не до самого сердца оного.

Берега эстуария все более сужались. За кормой остались каменные стены цитадели Блайо, чуть поодаль, справа по борту, протянулся плоский и вытянутый, как лезвие меча, остров Мако, за которым бесконечными зелеными рядами поблескивали на солнце виноградники Медока и Марго. Ког неспешно приближался к стрелке д'Амбес, месту слияния Гаронны и Дордони.

– И это все свидетельствует о том, мой дорогой Граций, –

---

[21] Конных рейдов по территории противника.

после недолгой паузы продолжил каноник, – что близится конец времен и исполнение сна царя Навуходоносора, истолкованного пророком Даниилом. Звезда богоизбранности, некогда воссиявшая на Востоке, смещается все далее на Запад. Сначала она светила Вавилону, затем мидянам и персам, затем македонянам, затем грекам, затем римлянам. От ромеев она поднялась к германцам, от них, при Людовике Святом, перешла к франкам, а теперь воссияла над Англией. Покойный епископ Ричард Онгервиль сказал мне как-то, что дивная Минерва, оставив Афины, Рим и Париж, ныне счастливо достигла Британии, благороднейшего из островов, нового центра Вселенной.

Внезапно ветер стих. На реке воцарилась тревожная тишина, нарушаемая лишь далеким стрекотом цикад. Воды Гаронны, мутные и илистые в этом месте, превратились в гладкое, чуть подрагивающее зеркало. Путешественники переглянулись: внезапное безветрие грозило сорвать их планы прибыть в Бордо засветло.

Вдруг откуда-то сзади, со стороны морского устья, донесся негромкий протяжный гул. Ивар, Граций и каноник обернулись и настороженно переглянулись. Лишь шкипер Барбавера казался невозмутимым. Странный гул все усиливался, словно какая-то неведомая сила приближалась к ним по реке. Однако водная гладь оставалась чистой: ни паруса, ни шевеления в прибрежных зарослях.

И тут они увидели вдалеке темную полосу во всю шири-

ну реки. Полоса стремительно приближалась, увеличиваясь в размерах. Через несколько мгновений Ивар понял, что их нагоняет гигантская волна высотой не менее чем в два человеческих роста. Но откуда на равнинной реке могла взяться таких невероятных размеров волна, да еще и с бешеной скоростью поднимающаяся против течения? Казалось, будто сам Господь невидимой рукой наклонил земную твердь, и река, вмиг переменив течение, понеслась на них с высоты, грозя захлестнуть и смести со своего пути, словно ничтожную щепку.

За первой волной шла вторая, еще более мощная, за ней третья, четвертая – казалось, им не будет конца. Когда первый вал был уже совсем близко, путешественники в панике обратили свои взоры на шкипера, стоявшего рядом с таким видом, словно происходящее нимало его не касалось.

– Что, подобмочились слегка? – ухмыльнулся, наконец, Барбавера. – Держитесь крепче за борт, сейчас пойдем с ветерком. Добро пожаловать на большое маскаре!

Гигантская волна гулко ударила в корму, нос кога задрался, Ивара прижало ребрами к борту, едва не вышвырнув в бурлящую воду. Неожиданно вернулся ветер, мигом наполнив обвисший парус. Ког понесся с такой невероятной скоростью, как будто в него впрягли табун диких лошадей. Прибрежные деревья и постройки приближались и удалялись как в фантастическом сне. Нос судна, словно исполинский тесак, взрезал гладкое зеркало Гаронны, оставляя за кормой

бушующую пену, тут же исчезавшую в утробах набегавших волн.

Потрясенные невиданным зрелищем, путешественники лишь молча крутили головами по сторонам, да изредка оглядывались назад с испуганным восторгом. Через пару миль бешеной гонки волны понемногу начали оседать и успокаиваться. Вскоре от них остался лишь слабый плещущий накат в прибрежных зарослях осоки. Река вернулась в свой привычный вид.

– Что это было, синьор Барбавера? – первым прервал молчание Ивар.

– Маскаре. «Пегий бык», на местном наречии. Ну как будто подводный бык поддевает тебя на рога и тащит по реке. Странно только, что оно пришло сегодня, да еще такое сильное. Должно было дня через три, в полнолуние.

– Но откуда оно приходит? Что им движет? – не отставал Ивар.

– Что движет? – пожал плечами Барбавера. – Господь Бог, Луна, морской прилив при низкой воде…

– Воистину, в последние годы природа словно сошла с ума, – сокрушенно произнес каноник Адам. – Зимы становятся все холоднее, а летние дни – все ненастнее. Последние года четыре в Англии совсем не было лета, одни дожди. Прошлой осенью едва успели собрать скудный урожай, а ячмень – так и вовсе не вызрел. Пришлось закупать зерно у неприятелей во Франции. Из-за дождей разлило многие

реки, смыло почву с полей, разрушило мосты.

– И снова вы, святой отец, со своими эсхатологическими стенаниями, – улыбнулся Граций. – Ну где все эти ваши катастрофы? Взгляните: солнце палит так, словно мы в иерусалимской пустыне, сочные виноградники зеленеют, птицы щебечут, на небе ни облачка…

– Нет-нет, – вмешался шкипер Барбавера, – и в самом деле что-то неладное происходит в последнее время. Штормы стали столь частыми, что приходится по полгода простаивать в портах или прятаться в прибрежных бухтах. Я слышал, несколько портовых деревушек на юге Англии засыпало бродячими дюнами.

– Тоже мне невидаль: бродячие дюны, – отмахнулся Граций.

– Не знаю, верить или нет, но в Саутгемптоне мне рассказывал один ромейский торговец, – помолчав, продолжил шкипер, – что этой весной где-то между Катаем и Персией прошел огненный дождь. Будто бы огонь падал с небес словно горящий снег, испепеляя землю и жителей. А затем землю покрыл густой дым, и всякий, кто хоть краешком глаза глядел на этот дым, умирал к вечеру того же дня; и те, кто смотрел на тех посмотревших, тоже умирали.

– И после какой кружки эля рассказал вам все это ваш ромейский приятель? – усмехнулся Граций.

– Быть может, огненный дождь и есть выдумка, – заметил каноник, – но вряд ли вы, мессиры, не слышали о фриуль-

ском землетрясении?

– Фриулия – это в Италии? – спросил Ивар.

– Не Фриулия, а Фриули, – поправил его каноник. – Это к востоку от Венеции. Минувшей зимой, в день Обращения Святого Павла[22], случилось там землетрясение столь чудовищное, что многие венецианцы решили, что воистину приходит конец света. В тот день колокола на соборе Святого Марка зазвонили без участия рук человеческих, словно невидимые ангелы спустились на землю и забили в набат. Говорят также, что это было не обычное землетрясение, но что причиной его стало некое небесное тело, упавшее во фриульских горах. Как бы то ни было, воздух после землетрясения сделался густым и удушливым, словно сам ужас поселился в сползающих с гор туманах, огненные метеоры и падающие звезды испещрили небосвод, а на крышу папского дворца в Авиньоне сошел гигантский столп из огня.

– Поверьте мне, святой отец, – ответил Граций, – через пару месяцев все забудут и про ваше «чудовищное» землетрясение, и про авиньонский огненный столп – так же, как забыли про огненного дракона, якобы пролетевшего над Леридой три лета тому назад.

Навстречу все чаще стали попадаться коги, весельные баржи и юркие габары[23], спускавшиеся по Гаронне со стороны Бордо. Затем река сделала крутой изгиб, и вскоре из-

---

[22] 25 января.

[23] Габара – небольшое широкое плоскодонное парусно-гребное судно.

за заболоченных прибрежных низин показались крепостные стены, полуразрушенные колонны античного храма и острые шпили собора Сент-Андре.

***

«Зачем вообще люди женятся? Ведь столько возни и хлопот. Может, еще и совсем не поздно отказаться?» Ариана на секунду представила себе лицо матери и тяжело вздохнула. «И не получится уже отказаться. Но вдруг все это ошибка, самая большая ошибка в жизни? А потом уже никуда не свернешь и не вернешься обратно? Что молчишь, Жужу? Скажи же что-нибудь».

Но Жужу продолжал молчать, лишь поблескивая в ответ умными черными глазами. Оно и понятно: ведь Жужу был всего лишь игрушечным медвежонком. Точнее, это Ариана считала его медвежонком – для остальных это было не столь очевидно. Внешне он скорее походил на толстого чумазого поросенка. Но Ариана точно знала, что это был медвежонок и что звали его Жужу. Ведь они были знакомы столько лет, с самого детства. Когда ей было лет пять или шесть, она нашла его на дороге, валявшегося в пыли. Он выронился из повозки разъезжего торговца, и она подобрала его тогда. Это вовсе не было воровством: ведь торговец уже почти скрылся за каштановой рощей, и маленькая Ариана при всем желании не могла бы его догнать. А потом старый торговец ку-

да-то пропал и больше не появлялся в их деревеньке. И медвежонок остался жить с Арианой.

Торговец тот был очень странный, с вечно всклокоченной бородой и тонкими пальцами, скрюченными, словно птичья лапка. Ариана отчего-то боялась подходить к нему, боялась его резкого хриплого голоса, его непонятного бормотания на чужом языке. «Вещи, они тоже живые, – прохрипел однажды старик-торговец своим гортанным голосом, – надо лишь уметь разбудить их душу». Почему-то эти слова врезались ей в память. И Ариана долго еще верила, что когда-нибудь сможет разбудить душу Жужу. И доверяла ему свои маленькие тайны, как единственному верному другу. С тех пор медвежонок успел сильно поистрепаться и повылинять, лишь по-прежнему живо блестели его черные стеклянные глаза и смешно торчали в разные стороны обтрепанные ушки. Но однажды, когда Ариана была уже совсем взрослой и давно перестала верить в россказни бродячих торговцев, медвежонок неожиданно открыл ей свою тайну. Но о ней Ариана не рассказывала никому, даже дядюшке Эстрабу.

– Ариа-ана! Где ты? Иди быстро сюда! – раздался из-за кустов крыжовника сердитый голос матери.

«Да иду я, иду!… А Жанте хороший, он заботливый… И мать говорит, что жениха лучше него мне не найти. Да и было бы из кого выбирать…»

Ариана с улыбкой вспомнила, как третьего дня Жанте приходил к ним свататься, вместе со своим другом Шиба-

ле. Сватовство гасконца – целый ритуал: словно сватается не бедный пессакский[24] плотник, а какой-нибудь граф Роже-Бернар де Перигор. Жанте и Шибале пришли под вечер, уже когда сгустились сумерки и оглушительно стрекотали цикады в лавандовых полях. Принесли с собой большую плетеную бутыль с белым вином пикпуль. Мать изобразила на лице всполошенное удивление, хотя с самого утра готовила званый ужин из крольчатины. Жанте с другом молча сидели и ели, иногда поглядывая на поленья в печи. По местным обычаям, пока поленья лежат вдоль заступа очага, хозяева рады гостям; если же их повернут поперек – значит, пришла пора откланиваться.

После рагу был подан овечий сыр, а за ним – главное блюдо вечера, ради которого и приходили гости. Мать внесла с кухни плоскую глиняную миску, покрытую сверху другой такой же. «Только не орехи, мама, только не орехи!» быстро-быстро зашептала про себя Ариана. Орехи в миске означали отказ.

Мать подняла крышку – на дне миски алели два десятка сочных перезрелых ягод лесной земляники. Жанте не смог сдержать глуповато-довольной улыбки. Ариана же и обрадовалась, и расстроилась одновременно. «Обязательно мать хоть чем-то да испортит настроение, не может обойтись без своих колкостей. Вот к чему было лишний раз намекать на мой возраст?»

---

[24] Пессак – местность юго-западнее Бордо.

Этой осенью Ариане исполнялось двадцать – довольно поздний срок для замужества. Все эти двадцать лет она прожила с матерью в небольшой деревушке к югу от Бордо. По крайней мере, так рассказывала мать. Деревушка называлась Кастаньеда и насчитывала не более десятка дворов. Жили здесь исключительно корзинщики и гробовщики. Раньше жил еще городской палач, но его то ли убили, то ли он сам куда-то сгинул по пьяному делу.

Странно, но Ариана никогда не разговаривала с матерью об отце. Словно его и не полагалось вовсе. По счастью, судьба избавила ее от злых соседских детей с их глупыми дразнилками: те немногочисленные дети, что жили в Кастаньеде, либо были совсем несмышленышами, либо уже вытянулись в посерьезневших подростков, которым не по возрасту было насмехаться над сопливой батардкой[25].

С того времени Ариана из нескладной чумазой замарашки превратилась в молодую девушку, на которую заглядывались не только крестьянские юноши из окрестных деревень, но и расфранченные сынки богатых городских торговцев. Слегка вьющиеся темно-каштановые волосы, огромные серо-синие глаза на удлиненном лице, прямой и гордый нос – как у античных кариатид на храме Покровительницы, что с незапамятных времен возвышается в северной части Бордо. Особенно бросалась в глаза неестественно белая и гладкая, словно отполированная, кожа в мраморных прожилках

---

[25] Рожденной вне брака.

вен. И взгляд – пристальный, немигающий, словно застывший. Из-за этого взгляда кое-кто за глаза называл Ариану змеей и даже брейшей[26].

– Ариа-ана! Скорее иди домой! – снова прозвучал вдалеке сердитый голос матери.

Позавчера с самого утра знакомые и родственники жениха, взяв в руки палки, обвитые голубыми лентами, и приколов к камизам[27] букетики полевых цветов, отправились по домам соседей и родственников зазывать их на свадьбу. Палки предназначались для отпугивания дворовых собак. Пусть уже мало кто держал злобных псов у дверей, но древняя традиция чтилась свято.

Первым делом посетили священника. Пройдя через маленькую боковую дверцу аббатской церкви Сент-Круа[28], что на самой южной оконечности Бордо, прямо у городской стены, встретились в притворе с отцом Бернаром, чтобы договориться о дне и часе венчания. Церемонию назначили на завтра пополудни. А сегодня еще предстояло отвезти приданое в дом жениха. Еще одна старая традиция, которую нельзя нарушать.

– Ариана! Да где тебя черти носят?! Одну тебя все ждут!

Ариана нехотя покидала свое укрытие в кустах крыжовника. В последний раз он защищал ее от тревог назойливо-

---

[26] Ведьмой, колдуньей.

[27] Нательным рубахам.

[28] Досл.: «Святого Креста».

го мира. Прощай, милый крыжовник, прощай, молчаливый хранитель детских грез.

Мать, сердито уперев руки в бока, недовольно смотрела на нее:

– Где ты бродишь столько времени?! Быстрее собирайся, скоро стемнеет уже.

Пожилой погонщик, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, стоял рядом с повозкой, украшенной гирляндами цветов. К передней части повозки было прикреплено веретено, обвитое голубой лентой, а на дне телеги лежал нехитрый скарб: набитый шерстью матрац, нательное белье и немного глиняной посуды, покрытой блестящей глазурью.

– Адишац[29], дядюшка Эстрабу, – поприветствовала погонщика Ариана.

– Адишац, дочка, – улыбнулся тот в ответ.

Через пару минут тронулись в путь. Пыльная сельская дорога бежала вдоль монастырских виноградников и мельниц, мимо пустошей, заросших вереском и утесником, через шаткий деревянный мостик над мелководной речушкой Перлонг. Затем из-за деревьев Ариана увидела высокую каменную звонницу приходской церкви Сен-Николя-де-Грав. Они должны были венчаться в ней, но в последний момент Жанте вдрызг рассорился с местным кюре. Придется завтра ехать в город, в аббатство Сент-Круа. Не то чтобы дальний крюк, но уж очень неприятны все эти городские придирки…

---

[29] Здесь: «добрый день, здравствуйте».

Чуть в отдалении, из-за густых кустов акации, мрачной тенью вырастала темная черепичная крыша лепрозория. Жуткое место, даже собаки не бегают вблизи него. Казалось, будто сами стены здания, сложенные из грязно-белесого известняка, источали заразу и зловоние. Погонщик мулов, а вслед за ним и Ариана, поспешно перекрестились и отвернули взгляд.

За поворотом начинался пригород, в котором жил Жанте. Несколько рядов саманных домишек, прилепившихся друг к другу, и почти никакой зелени: ни деревьев, ни садов – лишь несколько черных свиней, разлегшихся в дорожной пыли. Вскоре повозка подъехала к дому жениха. На самом деле, это был дом родителей Жанте, но мать его умерла еще при родах, а отец три года назад ушел на заработки в Беарн, и с тех пор от него не было ни слуху ни духу.

Дядюшка Эстрабу, вместо того чтобы остановиться у дверей дома Жанте, с невозмутимым видом проехал мимо. Таков обычай. Через пару мгновений из дома жениха выбежали трое молодых парней, среди которых был и заводной шафер Шибале, и с громкими криками принялись уговаривать возницу повернуть поводья. Тот, как водится, поначалу не соглашался. Пришлось потрясти перед ним звонкой монетой – только после этого погонщик соблаговолил развернуть своих мулов.

Наконец, из дома вышел и сам жених. Небольшого роста, коренастый и широкоскулый, с выпуклым лбом и слегка ко-

сящими глазами на плоском смуглом лице – Жанте сложно было назвать красавцем. Однако уверенная осанка и твердость во взгляде выдавали в нем человека надежного и основательного, из тех, что не привыкли выпрашивать у жизни незаслуженные подарки.

Жанте молча улыбнулся Ариане, сдержанно поклонился дядюшке Эстрабу и, не произнеся ни слова, направился к повозке. Он вообще был не особо разговорчив, тем более, на людях. Пока возница балагурил с друзьями жениха, сам Жанте деловито перетаскивал поклажу из повозки в дом. Закончив работу, он подошел к Ариане, сидевшей все это время на телеге.

– Как поживает матушка Роза? – учтиво поинтересовался жених.

– Божьей милостью, хорошо, – ответила Ариана.

– Тетушка Сеголена благодарила ее и просила передать, что ей очень помогла та настойка. Она сказала, что отдаст вторую часть денег дней через десять, когда городской казначей заплатит ее мужу за работу.

– Я передам, – кивнула Ариана.

– Платье уже готово?

– Да, вчера матушка привезла из города.

– Синее или красное?

– Завтра сам увидишь, – улыбнулась Ариана.

– Хорошо, – кивнул жених.

Немного помолчали, прислушиваясь, о чем беседовали

Шибале с дядюшкой Эстрабу. Вечерний ветерок доносил с юга дурманящий запах лаванды и сосновой смолы.

– Смотри, что подарил мне на свадьбу Ачегорри, – Жанте достал из-за пазухи небольшой нож с резной ручкой из слоновой кости.

– Ух ты! – Ариана восхищенно принялась разглядывать замысловатые узоры на рукоятке. – Смотри, тут дракон!

– Это Сугаар, наваррский эренсуге[30].

– Наверное, уйму денег стоит такой нож?

– Ачегорри сказал, что выменял его у какого-то наваррца на трех взрослых свиней. Но это ж Ачегорри, он мог и приврать.

Ариана вернула нож Жанте:

– Только не показывай его никому. Ты же знаешь, нам нельзя.

Жанте лишь махнул рукой:

– Да не узнает никто.

Помолчали еще немного.

– Ты волнуешься? – нарушил молчание Жанте.

– Ага, – призналась Ариана.

– Я тоже. Немного, – тут же поправился Жанте. – Но ты не бойся. Со мной тебя никто не тронет.

Ариана молча кивнула.

– Эй, молодежь! – послышался сзади голос дядюшки Эстрабу. – Завтра наговоритесь. Пора возвращаться, ночь уж

---

[30] Змей (баск.).

на дворе.

Ариана запрыгнула на повозку и помахала рукой Жанте. Вымотавшиеся за день мулы неспешно тронулись. «Жанте будет хорошим мужем», со спокойной уверенностью думала девушка, провожая взглядом исчезающий в ночи поселок.

***

Восточный берег Гаронны, вначале ровный, покрытый палюсными[31] лугами и редкими домишками рыбацких поселков, завершался вдалеке невысокой грядой темно-зеленых холмов. Западный берег, на котором раскинул свои постройки Бордо, был плоским как столешница. Ивар, опершись о штирборт[32], задумчиво смотрел вдаль. Разморенное солнце неспешно опускалось за город, подсвечивая закатными бликами полуразрушенную громадину римского амфитеатра, мрачно возвышавшуюся в отдалении.

Северная стена была невысокой и слабо укрепленной: ожидать нападения отсюда, со стороны болот и топких палюсов, едва ли приходилось. Восточная стена, протянувшаяся более чем на две мили вдоль берега, выглядела покрепче. Рассмотреть ее во всех подробностях мешали паруса торговых когов, вставших на якоре по реке. Между когами и береговой насыпью сновали бесчисленные габары: одни подтас-

---

[31] Палюс – болотистая аллювиальная почва.

[32] Правый борт.

кивали в Бордо тюки с английской шерстью, сукном, кожей, бочки с засоленной рыбой; другие – отвозили на суда баррики[33] из береговых винных складов.

– Чуть выше будет Лунный порт, – раздался сзади голос Барбаверы. – Но я вас высажу здесь, у квартала Тропейта. Сейчас придет габара, заберет вас. – С этими словами Барбавера неуклюже махнул рукой, видимо, прощаясь таким образом, и направился в нос кога.

– Ты уже бывал здесь? – спросил Ивар у Грация.

– Пару раз, – кивнул головой менестрель.

– Что за амфитеатр виднеется там, за пригородом, в миле от берега?

– Местные называют его Дворцом Галлиены. Говорят, так звали первую супругу Карла Великого. Известно лишь, что она была дочерью толедского короля и что Карл развелся с ней едва ли не на следующее утро после свадьбы. Никто не знает, почему: может, она по субботам превращалась в ехидну[34], подобно сказочной Мелюзине, – усмехнулся Граций.

– Но при чем здесь Бордо?

– Поди знай. Местные считают, что Галлиена была когда-то королевой Бурдигалы[35]. Какой только чуши не роится в праздных умах простецов!

---

[33] Баррик – винная бочка объемом 225 литров.

[34] Полуженщина-полузмея.

[35] Название древнего поселения на месте Бордо.

Граций помог спуститься канонику Адаму в подошедшую плоскодонную габару. Следом за ними спрыгнул и Ивар.

– К воротам Красношапочника! – кидая медный обол, крикнул Граций перевозчику. Тот ловко перехватил монету и молча кивнул.

– Красношапочника? Что за странное название! – поразился Адам Лебель.

– Ничего странного, – пожал плечами Граций, – если иметь в виду, что красношапочниками здесь называют обезглавленных. Суровый гасконский юмор.

Через несколько минут они уже поднимались по невысокой песчаной насыпи. Портовые носильщики таскали мимо них плетеные ивовые корзины с дневным уловом. Чего в них только не было! Упитанные сельди-алозы, поблескивающие голубой чешуей, темно-серебристые горбыли, красноперые окуни со злобно выпученными глазами, песочного цвета бычки-бубыри, розовеющая зеркальная форель в крупных черных крапинках. Неподалеку на жестяных поддонах шевелились клубки «стеклянных угрей» и прозрачно-розовые креветки; рядом на неструганых досках внаброс лежали разжиревшие щуки, пятнистые миноги с алчно распахнутыми ртами и остроносые осетры, поблескивающие зеленовато-бронзовым отливом боковых наростов.

Миновав невысокую арку городских ворот, Граций повернулся к своим спутникам:

– Итак, мессиры, кому куда?

– Мне нужно спешить в аббатство Святого Северина, – ответил каноник Адам. – Мессир де Севиль, вы ведь знаете, как туда добраться?

– Да, конечно. Идите все время прямо по этой улице, – с готовностью принялся рассказывать Граций. – По правую руку у вас останется квартал Тропейта, пристанище пьяной матросни и разнузданных девок. Потом, справа же, увидите Колонны Покровительницы, а за ними, чуть поодаль – аббатство якобинцев[36]. Но вы туда не сворачивайте, а продолжайте идти прямо через весь город – это где-то мили полторы – пока не упретесь в западную стену. У стены поверните на юг, дойдите до ближайших городских ворот и выйдите из города. Там, за воротами Дижо, начнется Еврейская улица. Идите сначала по ней, а затем сверните немного к северу. Примерно через милю увидите аббатство Святого Северина. Кстати, как раз недалеко от него и будет тот античный амфитеатр, что мы видели с реки.

– Благодарю вас, – улыбнулся каноник. – Столь подробного описания не смог составить бы и сам Его Святейшество Каликст[37]. Прощайте, друзья мои, и да хранит вас Господь во всех ваших благих начинаниях. – Адам Лебель перекрестил Грация с Иваром и, задумчиво склонив голову, зашагал в сторону заходящего солнца.

---

[36] Здесь: доминиканцев.

[37] Римский папа Каликст II, считающийся автором «Кодекса Каликста» – путеводителя для паломников в Сантьяго-де-Компостела.

– А тебе, насколько я помню, нужно к бенедиктинцам, в Сент-Круа? – повернулся Граций к Ивару.

– Не устаю поражаться твоей памяти, Граций! – присвистнул Ивар. – Я ведь лишь вскользь упомянул об этом много дней назад, в горланящем саутгемптонском кабаке, когда мы с тобой уже основательно набрались. Но ты все равно умудрился запомнить!

– Менестрель без цепкой памяти – что соловей без весны, – скромно улыбнулся Граций. – Значит, нам по пути. Только у Шато-Ломбриер я тебя оставлю. Дальше просто иди до самых южных ворот, следуя за изгибом реки – и увидишь свое аббатство. Если что, спроси у местных – ты ведь знаком с их наречием?

– Более или менее, – ответил Ивар. – По мне, так оно не сильно отличается от прочих окситанских говоров, разве что чуть ярче окрашено васконскими тинктурами[38].

– Признаться, меня удивляет не столько обилие языков, известных тебе, сколько несоответствие северного имени твоей восточной внешности, – Граций изучающе посмотрел на Ивара, затем продолжил: – Ну да ладно: у всех у нас есть свои маленькие секреты. В конце концов, сам дьявол сломит ногу в этих вопросах крови.

Чтобы не продираться сквозь узкие извилистые улочки бедняцкого квартала у церкви Сен-Мишель, они решили пойти через центральную часть города. Перебравшись через

---

[38] Тинктуры – название красок в геральдике.

грязную илистую речушку Девез, Граций с Иваром выбрались на широкую мощеную камнем улицу, заставленную лавками галантерейщиков и торговцев пряностями. Чуть далее, ближе к Рыночной площади, расположились продавцы тканей, сапожники и скобянщики. Прямо перед рынком Ивар с удивлением увидел крепостную стену, проходившую прямо посреди города и разрезавшую его надвое.

– Это самая старая стена, еще от римлян осталась, – перехватил Граций немой вопрос Ивара. – За ней начинаются кварталы богачей: Ля-Руссель и Святого Элигия. Там окопались в своих «донжонах»[39] самые влиятельные кланы Бордо: семья Колом и семья Солер. Эти кварталы в свое время тоже обнесли стеной, второй по счету. Но город продолжал расти, поэтому не так давно вокруг него возвели третью стену, самую протяженную и надежную.

– И чем занимаются те влиятельные семьи, о которых ты сказал?

– Колом и Солер? Да чем занимаются… В основном воюют друг с другом. Чаще – втихую, хотя порой и до открытой поножовщины доходит. Вообще, если в двух словах, всю недавнюю историю Бордо можно описать так: Коломы грызутся с Солерами за власть в мэрии, а мэрия и жюраты[40] грызутся с королевским прево за привилегии. А город в целом – ловко играет на противоречиях между английской и фран-

---

[39] Донжон – высокая замковая башня.

[40] Члены городского совета.

цузской короной, выбивая себе все больше и больше льгот и вольностей. И чем больше война разоряет окрестности, тем сильнее богатеет за своими крепкими стенами Бордо.

– Я не очень понимаю, Граций: а как вообще вышло так, что Бордо, и Аквитания в целом, стали английской землей? – не отрывая глаз от возвышавшихся вдалеке остроконечных шпилей собора Сент-Андре, спросил Ивар у своего попутчика. – Они же так далеки от Виндзорского замка – гораздо дальше, чем от Луврского дворца?

– Ты ошибаешься: это не английская земля, это наследное владение английского короля Эдуарда III Плантагенета. В этом принципиальная разница. Но в целом – да, история весьма занятная и поучительная. Хоть и довольно древняя уже.

– Что есть древность, как не зерцало грядущего? – заметил Ивар.

– Это ты где прочел? У Философа?[41] Хотя в любом случае ты прав. Ну хорошо, попробую изложить покороче. Началось все с визиготов…[42]

– Ничего себе «покороче»! – рассмеялся Ивар.

– Ладно, пропустим готов, начнем с франков. Итак, франки пришли из-за Рейна и вытеснили визиготов за Пиренеи. В том числе и из Аквитании. Было это в начале шестого века от Рождества Христова. Однако исконными жителями этих

---

[41] У Аристотеля.

[42] Вестготов.

земель были не визиготы, а баски, они же васконы, они же гасконцы – на языке северян. Народ вольнолюбивый и нрава необузданного. Как пишет о них Каликстин: гасконцы остры на язык, распутники, пьяницы, чревоугодники, но вместе с тем привычны к боям и гостеприимны к беднякам. И чтобы удерживать мятежных гасконцев в повиновении, над землями этими – от Луары до Пиренеев – был поставлен франкский dux.[43] Потом Хлодвиг умер, королевство франков погрязло в династических распрях, а герцоги Аквитанские все сильнее начали отдаляться от своих франкских сюзеренов.

– При этом продолжая оставаться их формальными вассалами? – уточнил Ивар.

– Разумеется, – кивнул Граций. – Нельзя просто так взять и объявить себя независимым сюзереном, ровней королям и императорам, чья власть не от людей, но ниспослана милостью Божьей, Dei gratia. Однако пропустим семь бурных веков, пропустим нашествие сарацинов из Африки, их разгром при Пуатье и многое другое. И перенесемся в год 1137 от Рождества Христова, когда герцогством Аквитанским правил Гильом X, известный своей богатырской силой и неуемным аппетитом. И вот в самом расцвете сил этот гигант, за раз съедавший больше, чем восьмеро его придворных вместе взятых, отправляется паломником в Сантьяго-де-Компостела, по пути заболевает и внезапно умирает. И наследницей всей огромной Аквитании, на земли которой

---

[43] «Военный вождь», он же «герцог».

не перестают зариться загребущие глаза соседей, становится старшая дочь Гильома, пятнадцатилетняя Алиенора. Ибо единственный наследник мужского пола, маленький Эгрет, умер семью годами ранее. И вот уже спутники скоропостижно скончавшегося герцога во весь опор мчатся сообщить о его смерти королю франков Людовику VI. А также возвестить последнюю волю покойного: чтобы дочь его Алиенора вышла за наследника франкской короны. Что как нельзя лучше соответствует намерениям франкского короля – и его главного советника аббата Сугерия: ибо отдавать на сторону такой лакомый кусок, как Аквитания, было бы в высшей степени неразумно. А ну как он уплывет к кастильцам или, не приведи Господь, к англичанам?

– Но не было ли дерзостью со стороны умирающего Гильома Аквитанского таким «навязчивым» образом сватать свою дочь за наследника французского короля? – спросил Ивар.

– Нисколько. С его стороны это был скорее щедрый дар. Ведь нужно понимать, что такое был франкский король в начале XII-го века. Да, формально его вассалами являлись многие могущественные герцоги, графы и виконты. Но чем владел он сам как король? Небольшой домен Иль-де-Франс вокруг Парижа, соседние земли Орлеана и недавно оттяпанный клочок вокруг Буржа – вот и все. Это намного меньше богатой Аквитании, вместе с прилагающимися Пуату, Ангулемом, Лимузеном, Периге, Овернью, Гасконью, Беарном

и прочая, неожиданно упавшими в руки в виде приданного. Поэтому сделка была, как минимум, взаимовыгодная.

– Но родовитость и заслуги? – возразил Ивар.

– И здесь юному жениху, будущему королю Людовику VII, похвастаться было нечем. Во-первых, в нем не было императорской крови. Каких-то полтора века назад его предка, герцога Гуго Капета, избрали королем на совете франкской знати, как primus inter pares[44]. За эти полтора века капетингам всеми правдами и неправдами удалось монархию выборную превратить в наследственную. При этом они настолько были увлечены удержанием трона, что ни на что другое сил уже не оставалось. А тем временем их могущественные вассалы творили историю. Как тот же Готфрид Бульонский, освободивший Гроб Господень и основавший Иерусалимское королевство. А еще ранее, в год 1066 от Рождества Христова, другой могущественный вассал франкского короля, герцог Нормандии Вильгельм Бастард – и вовсе захватил Англию, чей трон якобы принадлежал ему по праву. И случилось так, что вассал короля сам стал королем – оставаясь при этом вассалом по герцогству Нормандия. Разумеется, столь стремительного возвышения своего вчерашнего вассала франкский король потерпеть не мог. И уже через десять лет разразилась первая война между франкским королевством и нормандской Англией. Тогда же и было посеяно первое зерно многолетнего англо-франкского раздора. А теперь перейдем

---

[44] Первого среди равных (лат.).

ко второму, давшему куда более разрушительные всходы.

Граций поднял руку и указал на возвышавшиеся неподалеку шпили собора Сент-Андре, игравшие медно-розовыми отблесками в последних лучах заката.

– Вот здесь все и началось тогда, двести одиннадцать лет назад. В год 1137 от Рождества Христова в этом соборе собралось столько великолепных рыцарей, сколько славный город Бордо не видел никогда и вряд ли уже когда-то увидит. Всего красноречия Цицерона и памяти Сенеки не хватит, чтобы описать всю пышность торжеств, все краски роскоши и все многообразие подарков, поднесенных новобрачным. Пятнадцатилетняя Алиенора была не просто красива – она была ослепительна и царственно величава. Казалось, весь мир вращается вокруг нее одной. И всем своим звонким великолепием аквитанская невеста резко контрастировала с парижским женихом. Будущий король Людовик VII, чуть старше Алиеноры, походил не столько на монарха, сколько на монаха. Ведь его целенаправленно подготавливали к жизни духовной, пока плутовка Фортуна в самый последний момент не спутала все карты.

– Ты имеешь в виду нелепую смерть его старшего брата?

– Да. Вот уж кому судьба буквально подложила свинью. В пятнадцать цветущих лет будущий наследник престола скачет наперегонки с приятелями в королевский дворец на острове Сите – и на всем скаку спотыкается о какого-то бестолкового порося, невесть откуда взявшегося под ногами

его коня. В результате юноша падает на землю и разбивается насмерть. После сего прискорбного происшествия нашего богомольного Людовика вытаскивают из монашеской кельи, отрывая от любимых штудий, и делают наследником французской короны.

– И что же было после той свадьбы в Бордо?

– Торжества продолжились в Пуатье, который в ту пору был главным городом Аквитанского герцогства. И тут вдруг из Парижа приходит весть о смерти короля Людовика Толстого. И случается так, через две недели после своей свадьбы герцогиня Алиенора Аквитанская становится королевой Франции. Но это сейчас звучит так громко – в те же времена король Франции был не более чем скромным арбитром своих могущественных вассалов, пытающимся играть на их распрях. Да и Париж был лишен теперешнего блеска: тогда в нем не было даже Университета, хоть скандальный Абеляр и заложил уже фундамент будущей магистерской корпорации…

– И что случилось дальше? – нетерпеливо спросил Ивар.

– Дальше? Дальше случилось то, что уже не единожды случалось ранее – и многажды случится впредь. Горе тому мужу, над коим жена его возымеет слишком великую силу. Ибо сказал Господь: нехорошо человеку быть одному, сотворим ему помощника, соответственного ему. Когда же один из столпов брачного строения не соответственен другому – не устоит такой дом. Людовик рос среди монахов, пыль-

ных пергаментов, заунывных заутрень и всенощных. Алиенора же с детства привыкла к игривым песням трубадуров, аккордам виол, веселым звукам тамбуринов, флейт и кифар. А еще больше – к тонкой поэтической игре, к словесным ристалищам, к остроумному балагурству, порой на грани дозволенного. Людовик был скорее человеком размышления, нежели действия, в чем-то нерешительным, в чем-то медлительным. Супруга же его была подобна вулканическому котлу: горячему, шумному и своенравному. Который и сам подчас не предполагает, куда в следующее мгновение выплеснет свой теллурический жар. И в первые годы своего правления король Людовик – несомненно, любивший свою Алиенору – находился под сильным ее влиянием. Но прошло шесть лет брака – и вот король, глядя на сожженную им церковь в Витри, похоронившую под обугленными сводами сотни невинных жизней, спрашивает себя: как же я дошел до всего этого? Отдалил от себя мать, не ужившуюся с непочтительной невесткой, с ее дерзким языком и неприличными, по меркам северян, манерами. Отвадил от двора мудрого советника Сугерия. Понапрасну погубил своих верных рыцарей, пытаясь отвоевать для жены Тулузское графство. Перессорил Шампань с Вермандуа, разругался с Папой, наложившим печать молчания на колокола французских церквей. И все это – из-за нее и ради нее. И что взамен? Хрустальный золоченый кубок и милостивое расположение, даже не притворяющееся любовью?

– И тогда Людовик развелся с Алиенорой? – предположил Ивар.

– Что ты! Развод, тем более короля, по столь нелепым основаниям – кто бы пошел на такое? Однако венценосные супруги, изначально слишком разные, все сильнее начали отдаляться друг от друга. А потом был крестовый поход в Святую Землю, ради освобождения Эдессы от сельджуков. И были десять дней в Антиохии – десять дней, изменивших историю. В Сирии Алиенору встречал ее дядя Раймунд Антиохийский: давний друг ее детства, с которым они когда-то вместе резвились в тени аллей Шато Ломбриер. – Граций указал рукой на серевшую в летних сумерках мрачную громадину замка. – Вот этого самого Шато Ломбриер, во время óно окруженного тенистыми фруктовыми садами.

– Выглядит он несколько эклектично, – заметил Ивар.

– Да, за два века многое переменилось, и не всегда в лучшую сторону. Но вернемся в Антиохию. Что там было между Алиенорой и ее дядей Раймундом, который по возрасту лишь немногим превосходил ее – никто не знает. Да, злые языки церковных хронистов сделали из Алиеноры едва и не вторую Мессалину, без устали менявшую бесчисленных фаворитов, от принцев крови до худородных оруженосцев. Оно и понятно: у нас принято обвинять в распутстве женщин, чье поведение и манеры выбиваются из рамок привычного. Как бы то ни было, в Антиохии крестоносцы раскололись на два лагеря. Одни, во главе с Раймундом, призыва-

ли идти освобождать Эдессу – как северный бастион обороны Иерусалима. Король же первым делом намеревался направиться в Вечный Город. Алиенора приняла сторону Раймунда. Французский король упрямо настаивал на своем. Тогда Алиенора заявила: если король пойдет в Иерусалим, она со своими вассалами – а это бóльшая часть французских рыцарей – останется в Антиохии. На что король пригрозил воспользоваться своими супружескими правами и силой увезти жену из Антиохии. И в ответ на эту угрозу с уст Алиеноры сорвались роковые слова: «Сир, вам не мешало бы проверить действительность этих ваших супружеских прав: ведь в глазах Церкви брак наш не имеет силы из-за слишком близкой степени родства».

– Это и впрямь было так? – удивился Ивар.

– Если строго по каноническому праву, то да. Но Папа прекрасно знал об этом, и всех всё устраивало. Как бы то ни было, король Людовик исполнил свою угрозу и увез Алиенору с собой в Иерусалим. Но Раймунд Антиохийский был прав. И в конечном итоге тот крестовый поход обернулся катастрофой: и для христианского воинства, и для брака короля. После возвращения во Францию венценосные супруги все сильнее отдалялись друг от друга. Ускорило разрыв и то, что Алиенора так и не родила королю наследника, только двух дочерей. А потом исчезла и последняя ниточка, удерживавшая вместе Людовика и Алиенору: умер мудрый Сугерий, «Отец Отчизны». И весной 1152 года от Рождества

Христова архиепископский совет в Сансе объявил королевский брак ничтожным, по причине слишком близкого родства. Алиенора получила назад все свои аквитанские земли и отправилась на родину, в Пуатье.

– И там ее, наконец-то, ждали англичане? – усмехнулся Ивар.

– Нет, не там. «Англичане» появились из самого сердца Франции, из графства Анжу. Не прошло и двух месяцев с развода Людовика и Алиеноры, как франкское королевство потрясло неслыханное известие: бывшая королева снова вышла замуж. И за кого – за двадцатилетнего вассала своего бывшего супруга, за Анри Анжуйского! Его недавно почивший в бозе родитель, Жоффруа Анжуйский, имел прозвище Плантагенет: из-за веточки дрока[45], которой он имел обыкновение украшать свой охотничий капюшон. Неслыханным в этой свадьбе был даже не двухмесячный промежуток, выглядевший как оскорбление, а то, что ни Анри, ни Алиенора не испросили разрешения на брак у своего сюзерена – короля Людовика. И, в каком-то смысле, правильно сделали: ибо король ни за что не одобрил бы их матримониальных планов. Ведь вся его политика строилась на балансировании между могущественными кланами: домом Анжуйским и сеньорами Блуа и Шампани. И тут вдруг анжуйцы, и без того недавно усиленные герцогством Нормандским, прибирают к рукам огромную Аквитанию. Из-за чего вся западная

[45] От французского plante – «растение», genêt – «дрок».

часть франкского королевства, от Ла-Манша до Пиренеев, за исключением одной лишь Бретани, оказывается в одних руках, весьма цепких и амбициозных.

– И что же король? – спросил Ивар.

– А что король? Король собрал совет. Совет подтвердил нарушение прав сюзерена. Король вызвал к себе Алиенору и Анри. Те не явились. Тогда Людовик вторгся в Нормандию, владение Анри. Но Анри показал себя полководцем весьма умелым и быстро отвоевал захваченные земли. Через несколько месяцев король устал воевать и предложил мир. После чего Анри съездил за Алиенорой и вместе с ней прибыл в Нормандию, чтобы оттуда, наконец, отправиться за своей главной добычей – английской короной.

– А он имел на нее права?

– Да. В Англии об ту пору уже два десятка лет шла внутренняя усобица: одни бароны поддерживали тогдашнего короля Стефана из династии Блуа, приходившегося внуком Вильгельму Завоевателю. Другие же считали, что трон по праву принадлежит Матильде, дочери прежнего короля Анри I. Которая все эти два десятилетия с непреклонным упорством отстаивала свои династические права и которая приходилась родной матушкой нашему Анри Плантагенету, новоиспеченному супругу Алиеноры.

– То есть Алиенора вышла замуж не просто за графа Анжуйского и герцога Нормандского, но еще и за наследника английской короны?

– С тем лишь нюансом, что свои права наследника ему предстояло отвоевать. Ради чего они с Алиенорой и прибыли ненастным зимним вечером в нормандский порт Барфлер. Где, невзирая на шквальный ливень и штормящее море, Анри Плантагенет отдал приказ к отплытию. И Фортуна улыбнулась им: в Крещенье 1153 года от Рождества Христова они благополучно достигли английского берега. В благодарность Господу за ниспосланную им удачу Анри и Алиенора решили совершить молебен в ближайшей церквушке. И едва растворив врата Дома Божьего, первое, что услышали они, был голос священника, распевавшего «се царь твой грядет к тебе, праведный и спасающий». По крайней мере, так пишут хронисты. Но всё и впрямь вышло так, как предрекло то знаменье. И не прошло и года, как Анри Плантагенет был провозглашен королем Англии в аббатстве Уэстмонтье[46]. А Алиенора Аквитанская, незадолго до того ставшая графиней Анжуйской и герцогиней Нормандской, во второй раз украсила свою огненные кудри королевской короной, не менее завидной, чем та, что она носила двумя годами ранее. Вот так герцогство Аквитания и стало наследным владением английских королей. За которое они, впрочем, обязаны были приносить вассальную присягу французскому монарху. А еще через несколько лет к Плантагенетам отойдет Бретань, и анжуйские владения раскинутся от Ирландии до Арагона, уступая по своим размерам лишь Священной Римской империи.

---

[46] Вестминстерском аббатстве.

В сторону границ которой, кстати, уже очень скоро обратят свои амбициозные взоры Анри и Алиенора. Но это уже будет совсем другая история.

Они стояли у массивной кованой двери, ведущей в высокую квадратную башню замка. Стражник, с виду обычный горожанин в неказистых доспехах, подозрительно косился в их сторону. Граций протянул Ивару руку, кивая головой на вход в замок:

– Пора мне. Даст Бог, свидимся еще этим летом.

Показав стражнику какой-то пергамент, менестрель исчез за кованой дверью. Ивар постоял еще немного, прислушиваясь к приглушенным звукам ночного города. Только что со звонницы протрубили отбой. Разморенный июньской жарой, Бордо погружался в беспокойный сон. Шелестела осока на журчавшей неподалеку речушке, где-то вдалеке тревожно стрекотали цикады. Ровные ряды устау – каменных домов зажиточных горожан – темнели на фоне звездного неба острыми силуэтами черепичных крыш. Из темных узких проулочков доносился ленивый лай собак.

Ивар неторопливо направился в темноту переулка. Но не успел он сделать и пары шагов, как вдруг за его спиной, откуда-то из чрева замковой башни, раздался надсадный сдавленный крик. Крик человека, отмеченного смертью, человека, для которого захлопнулись двери этого мира. Ивар обернулся. Каменное лицо стражника, словно слившееся с серой стеной башни, продолжало оставаться столь же

непроницаемым, как и прежде.

***

«Эх, видела бы моя добрая матушка Петронилла, до чего докатился ее младшенький! Подумать только: Арно де Серволь, восьмой сын Фулька Реньо, сеньора де Сен-Мари, де Ля-Судьер, де Вильнёв и прочая, и прочая – сидит в придорожных кустах, словно обгадившийся бродяга, и ждет сигнала от этой безмозглой деревенщины Синистра, возомнившего себя пупом земли!»

Арно достал из ножен видавший виды бракемар, сохранившийся у него еще со студенческих времен. Короткий широкий клинок тускло блеснул в лучах рассветного солнца, подмигнул золотой филигранью, оплетавшей рукоять монограммой «АС»: Арно де Серволь. Хоть студентам и запрещалось иметь оружие, но парижские схолары были особой кастой – и плевать хотели на королевские запреты с высокой колокольни Сен-Дени. Арно отдал за этот клинок три золотых экю – почти половину денег, вырученных в тот год с продажи отцовского вина. Схолары Парижского университета имели королевскую привилегию на беспошлинный ввоз провизии для собственных нужд, включая вино. Арно, как и многие из его приятелей, половину своих барриков сбывал хозяевам городских кабаков.

Сколько лет прошло с той поры – десять, больше? «Ну

что, несостоявшееся светило теологии, что там писал Петр Едок[47] про то, как грабить пузатеньких пилигримов? Оставлять их в живых, и дальше мучиться „в этом сумрачном лесу“ – или же отправлять прямой дорогой к Святому Иакову, к которому они все так спешат? Жаль, нет под рукой „Суммы теологии“ Фомы Аквината – он-то уж наверняка разбирался в этих делах. Как там у него было: „согласно естественному закону все вещи являются общей собственностью, никто не вправе присваивать какую бы то ни было внешнюю вещь себе“. Ох, неробкого ума был покойный брат Фома! Жаль, бедолага-паломник не узнает перед смертью, что своим мечом я всего лишь восстанавливаю естественный закон».

Арно нервно рассмеялся глухим крякающим смехом. Верный признак волнения. Ну разумеется, он волнуется: все-таки не каждый день доводится убивать людей. Если так считать, то всего второй раз в жизни. Правда, в первый раз всё вышло почти случайно, да и было это бог весть когда.

Шесть лет назад Арно де Серволя со скандалом вышибли из Наваррского коллежа, из французской нации[48] и из университета. Хорошо хоть обошлось без мрачных застенков Шатле[49]. Кто на него донес, Арно так и не узнал. Или не захотел узнавать.

---

[47] Петр Коместор, теолог и историк 12 века.

[48] «Нация» в то время – внутриуниверситетское объединение студентов по региональному признаку.

[49] Замок в Париже, в котором располагался королевский суд и тюрьма.

«Мы не потерпим лживых мошенников в стенах нашего блистательного коллежа, взрастившего самого наместника Сына Божьего, Его Святейшество Климента VI!», надрывался от нарочитого возмущения епископский куратор Фовель, известный пьяница и содомит. Сказать по правде, грех Арно был не то чтобы велик. Он всего лишь подделал кое-какие документы, позволившие ему решить одну крайне неприятную финансовую проблему. Но подделка документов, наряду с изготовлением подложных печатей и чеканкой фальшивой монеты, признавались «оскорблением Его Величества», преступлениями против короля. О том, чтобы остаться в университете, не могло быть и речи.

Недоучившийся теолог Арно де Серволь сначала подвизался в парижском Парламенте[50], среди многочисленной своры полуголодных и вечно галдящих стряпчих. Однако заработков мелкого ярыжки едва хватало на сытные ужины в приличном кабаке. Поначалу Арно еще как-то держался благодаря вспомоществованиям долготерпивого родителя и старших братьев. Но парой годов позже родитель отошел в мир иной, доходы братьев резко упали из-за того разгрома, что учинили в Аквитании англичане, а жизнь в столице королевства становилась все дороже и дороже. Пришлось вчерашнему бакалавру свободных искусств вспоминать свои студенческие навыки подчистки старых пергаменов и замены в них одних циферок на другие, более соблазнительные.

---

[50] В те времена – верховный суд французского королевства.

Войдя во вкус, Арно перешел с цифр на буквы, с букв – на слова, со слов – на целые грамоты. Благодаря чему и оказался вскоре обладателем небольшого церковного бенефиция Велин, что на правом берегу Дордони чуть выше Кастийона. Треть дохода он отдавал местному кюре, окормлявшему велинских прихожан непосредственно на месте, а остальное – щедро тратил на жареных гусей, аржантейское вино и трактирных подавальщиц с блудливыми кошачьими глазами.

Ловкость рук, а также знание закавык гражданского и канонического права весьма скоро снискали Арно де Серволю немалую известность в определенных кругах. Через год к нему присоединились двое молодых южан беспокойного нрава: шумный Гастон по прозвищу «Парад» и щуплый пройдоха Керре, выдававший себя за внебрачного сына леонского идальго. Гастон специализировался на обрезке серебряных монет и выплавке поддельных оловянных, а Керре был большим докой по части епископских и королевских печатей. С легкой руки леонца, любителя коверкать слова и подтрунивать над всеми, к Арно и приклеилось с тех времен прозвище «Благочинный»: то ли из-за его велинской епархии, то ли из-за мягко-вкрадчивой манеры разговора.

Дела у троицы шли в гору, пока в Париже не сменился прево. Новая метла столь рьяно взялась за дело, что Арно с приятелями пришлось спешно удирать из столицы, даже не успев попрощаться с мамашей Катишь, держательницей

веселого заведения на улице Пуаль-де-Кон. Ибо молодым шалопаям совсем не улыбалось бултыхаться в котле с кипящим маслом, а затем еще пару лет болтаться в проеме каменной виселицы Монфокон, к пущему наущению беспечных парижан.

Как назло, почти одновременно с неудачей в Париже Арно потерял и свой велинский бенефиций, оказавшийся под англичанами. На жизненном горизонте младшего из рода де Серволей вполне зримо замаячил призрак голода и нищеты. Нужно было срочно что-то предпринимать. Арно решил, что безопаснее всего будет податься на юг, за Луару, в родные для него просторы Бержерака и Перигё. Подельники не возражали, тем более что Гастон тоже был родом откуда-то из-под Тулузы.

Три долгих месяца холодной и дождливой весны бродили они по разоренным землям Дордони, подворовывая скудные припасы у обедневших крестьян, пока, вконец истрепавшиеся и отчаявшиеся, не набрели на деревеньку Эрине. На окраине деревни, в окружении старых тополей, нелюдимо кособочился небольшой постоялый двор без названия. Неказистая дощатая вывеска с намалеванными на ней кроватью и винной чаркой вполне доходчиво отражала весь спектр предоставляемых здесь услуг.

Хозяин постоялого двора, хмурый горбун Дамастр, как неожиданно выяснилось за кувшином кроваво-красного мо-

рийона[51], был старым знакомцем родителей Гастона Парада. Как он умудрился узнать в повзрослевшем Гастоне того сопливого мальчишку, которого в последний раз видел много лет назад – осталось загадкой. Несомненно, старый горбун был весьма памятлив на лица.

Несколько недель Арно, Гастон и Керре подрабатывали в хозяйстве Дамастра за скромное пропитание и ночлег. Потом трактирщик решил предложить им работенку посерьезней. Точнее, предложил Гастону, а тот уже рассказал все Арно и Керре.

Через деревню Эрине проходила лиможская ветка Пути Святого Иакова. По этой дороге паломники, в том числе жители Священной Римской империи, направлялись в галисийский город Сантьяго-де-Компостела, к нетленным мощам апостола Иакова. Перед отправлением в долгий и небезопасный путь паломники зачастую распродавали свое имущество либо завещали его церкви. При этом немалые деньги брали и с собой, ибо преодолеть многие сотни верст на одной лишь манне небесной – задача едва ли выполнимая.

Обычно паломники передвигались небольшими группками или присоединялись к торговцам и сопровождавшим их охранникам. Хотя иногда попадались и одиночки. Проходя через Эрине, путники обычно останавливались на постоялом дворе Дамастра, ибо других мест для ночлега не было на многие мили окрест.

---

[51] Дешевого вина.

За долгие годы горбун научился с первого взгляда определять, кто перед ним: нищий сумасброд с горстью медных оболов[52] или же зажиточный горожанин с зашитыми в нательный пояс золотыми экю. Алчный трактирщик не мог спокойно взирать на то, как мимо его носа течет полноводный поток золотых монет, оставляя ему лишь жалкие брызги. Однако сам он был уже слишком стар для того, чтобы подстерегать недоверчивых жакэ[53] в придорожном лесу и раскраивать им головы дубиной с железным наконечником.

Для этого у Дамастра имелся сынок Синистр, жилистый крепыш лет двадцати пяти, с застывшим на лице выражением тупого самодовольства. Этот Синистр крайне редко показывался в деревне, и где он жил, Арно так и не понял. За то время, что Арно с приятелями работали на трактирщика, они лишь раз видели этого Синистра, и то лишь мельком.

Горбун Дамастр предложил Гастону, а через него и Арно, присоединиться к Синистру и его ребятам. По поводу щуплого Керре трактирщик был настроен крайне скептически, полагая, что пользы от него в этом деле не будет никакой; однако Гастон сумел переубедить горбуна, рассказав ему о необычайной ловкости и везучести леонца.

По чести сказать, Арно претило опускаться до придорожного разбоя. Он хорошо понимал, что обчищаемых па-

---

[52] Обол – мелкая монета достоинством в половину денье.

[53] Прозвище паломников в Сантьяго-де-Компостела.

ломников нельзя будет оставлять в живых. Иначе через пару дней здесь не будет проходу от конных сержантов, а через неделю их троица отправится кормить ворон, болтаясь на ближайшем суку. С дорожными убийцами здесь не церемонились. Даже церковь отказывала таким в убежище, ведь они посягали на священное право любого христианина: беспрепятственно передвигаться по дорогам к святым местам.

Когда-то, в бытность свою при парижском Парламенте, Арно сам занимался одним таким делом. Некие Карден и Жике, двое руанских бродяг, выдававших себя за схоларов, познакомились в дороге со слугой богатого торговца. Слуга шел из Парижа в Турне, чтобы предъявить к оплате векселя своего патрона. После того как слуга – кажется, его звали Бенуа – простодушно объяснил бродягам, что такое эти векселя и с чем их едят, Карден и Жике незамедлительно почуяли запах наживы. Они угостили Бенуа хорошей выпивкой, втерлись к нему в доверие и отправились вместе с ним в Турне. Выбрав безлюдное местечко, бродяги оглушили слугу деревянным посохом, а затем обчистили до нитки. Причем буквально до нитки: несмотря на то, что при Бенуа имелись два векселя на какую-то умопомрачительную сумму, а также с десяток серебряных гро-бланов[54], грабители не побрезговали стащить с тела робу и даже нижнее белье.

Отойдя на несколько шагов от места преступления, Карден и Жике решили, что недостаточно крепко приложили

---

[54] Гро-блан – монета весом в 4,5 грамма серебра.

своего горемычного попутчика. Вернувшись, они с десяток раз ударили его по голове деревянным посохом, после чего оттащили тело к плетеной ограде, где и присыпали наспех старой соломой. На следующее утро окоченевшее тело обнаружили местные крестьяне. Как ни странно, бедолага еще дышал. Крестьяне отнесли его в дом и положили отогреваться у печи. Бенуа оказался удивительно живучим. Уже на следующее утро он, облачившись в крестьянские обноски, отправился в расположенный неподалеку городок, к местному прево. И каково же было его изумление, когда, проходя через рыночную площадь, он нос к носу столкнулся со своими недавними «приятелями», едва не отправившими его на тот свет!

Грабители, только что переночевавшие на местном постоялом дворе, изумились не меньше. И тут же бросились бежать на звон ближайшей церквушки, где и попытались укрыться от преследовавших их жителей и сержантов прево. Вот только они совсем забыли, что убежище в святых местах не предоставляется дорожным грабителям, святотатцам и разрушителям имущества. Поэтому напрасно кричали они о своем праве на убежище и о своей схоларской неприкосновенности, в то время как сержанты лупасили их палками и вытаскивали из церкви за волосы. Прево же мигом распознал, что никакие они не схолары: он просто-напросто кинул им свиток из картулярия[55] и велел прочесть его. «Глубо-

[55] Картулярий – сборник документов.

кие» познания в латыни двух грабителей рассмешили даже не блиставшего ученостью прево. Недолго думая, он приказал вздернуть их на рыночной площади, к великой радости горожан и душевному успокоению везунчика Бенуа.

Потом, правда, вмешался епископ, и самоуправному прево пришлось вытаскивать висельников из петли, возвращать их в церковь, на место задержания, да к тому же уплатить немалый штраф за осквернение святого места.

И за все время своей работы в Парламенте Арно ни разу не слышал, чтобы король удовлетворил прошение о помиловании дорожных грабителей. Так что эта скользкая – если не сказать «мокрая» – дорожка грозила утянуть на самое дно, откуда уже не будет возврата. С другой стороны, если отказаться – нет никакой гарантии, что Синистр со своей шайкой не перережут им горло во сне или не переловят поодиночке где-нибудь в лесу. А стало быть, придется срочно покидать Эрине и снова блуждать впроголодь меж разоренных деревенек и разрушенных бастид[56], в поисках неведомо чего. И очень скоро Гастон и Керре снова начнут брюзжать, что-де напрасно они послушали его и поперлись на этот юг, что лучше было бы направиться в Тур или Орлеан, или вообще залечь на дно в Париже. И если Арно по-быстрому не найдет способ разжиться деньгами – он очень скоро останется один.

В конце концов пришлось принять предложение Дамаст-

---

[56] Бастиды – селения на юге Франции, построенные специально для освоения территории.

ра. «Раздобудем немного серебра на первое время, а там посмотрим. Не навсегда же», думал Арно.

Через пару дней трактирщик свел их с Синистром и его дружками. Дружков было двое: мрачный южанин без двух пальцев на правой руке и добродушный светловолосый лобач с глазами теленка и парой отсутствовавших передних зубов. Встреча происходила на небольшой поляне в глубине леса. Синистр первым же делом обозначил свое место в иерархии. Презрительно скользнув взглядом по Керре, он поинтересовался у Арно, зачем тот таскает с собой ребенка. К счастью, у Керре не было с собой ножа, иначе на поляне остались бы лежать несколько трупов. И скорее всего, невесело подумал Арно, это были бы трупы его товарищей. Вместе с его собственной драгоценной тушкой.

К счастью, в намерения Синистра не входило раздувать конфликт. Снисходительно осклабившись, он перешел непосредственно к делу. План Синистра был таков.

Они вшестером пока остаются жить в лесу, в землянках и шалашах. Каждую ночь, после заката, трактирщик Дамастр встречается с Синистром в условленном месте и сообщает ему о потенциальных «клиентах». После этого Синистр дает команду сообщникам, куда и когда выдвигаться. Сам же он добирается до места отдельно от них, на телеге, запряженной старым гнедым конякой. На вопрос Керре, не жирно ли будет ему одному ехать на телеге, Синистр лишь презрительно скривился: «Это не просто телега, малыш. Лично ты вряд ли

бы сдвинул ее с места».

Далее Синистр пояснил, что задняя часть телеги незаметно для стороннего глаза утяжелена массивными камнями, прикрытыми холстиной и присыпанными соломой. Пока подельники страхуют в кустах, на случай появления нежданных гостей выше и ниже по дороге, сам Синистр встает со своей телегой на открытом участке между ними, после чего сшибает с телеги незакрепленное заднее колесо. Завидев приближающуюся жертву, Синистр с заискивающей улыбкой спешит к нему и просит подсобить в нечаянной беде. Путник, не видя подвоха, соглашается. Синистр просит его ухватиться за задний край телеги и приподнять его, пока сам он будет насаживать колесо. Как только путник хватается за телегу и пытается оторвать ее от земли, Синистр издает особый свистящий звук и одновременно с этим, при помощи хитрого рычага под дном телеги, вышибает второе заднее колесо. Услышав свист, дрессированный коняка резко пятится назад, и многопудовая телега, груженая тяжелыми булыжниками, падает на жертву, ломая ей грудину и намертво припечатывая к земле. Остается лишь перерезать бедолаге горло и неторопливо обыскать тело.

Даже Керре, казалось, забыл свою обиду и восхищенно присвистнул: «И ты сам все это придумал?» Тщеславный Синистр закатил глаза и напыщенно кивнул, хотя что-то подсказывало Арно, что здесь явно не обошлось без изощренной хитрости старого горбуна Дамастра.

Долго ждать подходящую жертву им не пришлось. Через три дня Синистр, вернувшись из леса, сообщил, что завтра на рассвете по дороге пойдет одинокий пилигрим, у которого под рясой явно позвякивают деньжата. Правда, Дамастр предупредил, что клиент этот – весьма дородной комплекции и явно не хилого десятка. Поэтому лучше Синистру взять себе для подстраховки кого-то покрепче. Синистр выбрал Арно.

И вот теперь Арно де Серволь, восьмой сын Фулька Реньо, сеньора де Ла-Судьер и прочая, и прочая, бакалавр свободных искусств и несостоявшийся магистр теологии Парижского университета, сидит в придорожных кустах и ждет команды от безграмотного сынка деревенского трактирщика, чтобы бежать добивать неизвестного ему здоровяка. Воистину, неисповедимы пути Господни и непостижимы судьбы Его!

Из-за придорожного мелколесья показалась фигура одинокого пилигрима. Одет как обычный паломник: длинная темная котта с рукавами и капюшоном, остроконечная шляпа с опущенными на лицо широкими полями, кожаная обувь на босу ногу. Под левой рукой болтается переметная сума из воловьей кожи, на перекинутом через плечо посохе покачивается небольшая калабаса[57].

«Не сказать, что прям уж огромен, но один на один против такого я бы не вышел», отметил про себя Арно.

---

[57] Сосуд из тыквы.

Путник миновал кусты, где засели Гастон и Керре, и слегка раскачивающейся походкой приближался к телеге. Восходящее солнце било прямо из-за его спины, рисуя вокруг головы пилигрима некое подобие ореола. «Вне всякого сомнения, мученического», криво усмехнулся Арно.

Путник подошел к Синистру. Вот они принялись о чем-то разговаривать. Вот путник кивнул… неспешно скинул суму… отложил посох… схватился за телегу. Время словно замедлялось с каждым мгновением. Арно невольно отвел глаза.

Тишину прохладного июньского утра прорезал негромкий свист. Со стороны дороги послышался грохот и сдавленный крик. Арно повернул взгляд. Пилигрим барахтался под телегой, упираясь в ее борт руками и безуспешно пытаясь высвободиться. Синистр достал длинный нож, но вместо того, чтобы добивать путника, неожиданно издал два коротких свистка. Это был условленный сигнал о помощи. Арно вскочил и со всех ног рванул к телеге, сжимая в руке бракемар.

Через пару мгновений он понял, что никакая помощь Синистру не требовалась. Просто главарь хотел, чтобы путника прирезал лично Арно. Повязка кровью, обычное дело.

Перейдя на шаг, Арно приблизился к телеге. Синистр молча кивнул сначала на пилигрима, потом на Арно. Лысеющая макушка здоровяка, покрытая редкими светло-каштановыми волосами, порозовела от натуги. Вздувшиеся яремные вены извивались как жирные черви. Пилигрим, все еще

пытаясь выбраться из-под телеги, хрипел что-то нечленораздельное, что-то про лес. «При чем тут лес?»

– Ну же! – нетерпеливо крикнул Синистр и снова кивнул на путника.

Арно склонился и занес меч. Налитые кровью серые глаза пилигрима смотрели куда-то вверх, на небо. «Господь… не предаст… Дюбуа…» – словно сквозь туман донеслись до Арно разорванные слова.

«Не предаст…» Стремительно выпрямившись, Арно с размаху всадил свой меч меж ребер ухмылявшегося Синистра.

***

– Беритесь за тот край, живо! – крикнул Арно подбежавшим к нему Гастону и Керре. – На себя, тащите на себя!

Вчетвером они кое-как сдвинули набок тяжеленную махину. Пилигрим лежал на пыльной дороге, тяжело дыша и растирая грудь. Затем перевел замутненный взгляд на Арно и по-детски добродушно улыбнулся.

– И все же приятно ощущать себя десницей Господа, – усмехнулся Арно, обращаясь к багровому от натуги пилигриму: – Ты не ушибся, брат Бидо? Знакомьтесь, мессиры: ecce homo[58] – мой давний приятель Бидо Дюбуа[59], он же

[58] Се человек (лат.).

[59] От фр. bois – «лес».

Большой Бидо, он же Бретонская Колода, он же Кара Господня.

С другого конца дороги опасливо приближались два подельника Синистра, держа наготове ножи. Арно повернулся к ним и примирительно поднял ладони рук:

– Не надо шуму, мессиры! К чему нам тыкать друг в друга железками? Да, признаю, мне пришлось упокоить вашего хозяина…

– Он не был нашим хозяином, – хмуро обронил беспалый.

– Неужели? – наигранно удивился Арно. – Но обращался-то с вами как хозяин. Ну да это уже неважно. Покойный явно не был Лазарем из Вифании, а я – не Иисус из Назарета. – Заметив непонимание в глазах беспалого, Арно пояснил:

– Я про то, что воскресить его мне не удастся при всем желании. Коего, по чести сказать, я начисто лишен.

– Ты ответишь за это! – скрипнул зубами беспалый.

– Всем нам предстоит держать ответ перед Господом нашим, – елейно-набожным голосом вывел Арно, возводя очи горе. – Да, мессиры, мне пришлось взять на душу тяжкий грех смертоубийства. Но разве покойный был праведным человеком? Нет, он не был праведным человеком. Ведомый жаждой наживы и презрев любовь к ближнему, он зачем-то возжелал отрезать голову моему старому другу Бидо, – кивнул Арно в сторону поднимавшегося с земли здоровяка. – А я сильно не люблю, когда моим друзьям отрезают головы.

Ибо какие они после этого друзья, без голов: ни выпить с ними по-дружески, ни поговорить.

Беспалый и белобрысый молчали. Арно продолжил:

– Не знаю, как вам, а мне крайне не по душе эта идея резать добрых христиан. Это же плебейство, мессиры! Разве для этого рожали нас в муках наши славные матушки? Резать людей – это не только неэстетично, это еще и небезопасно. Хотя первое слово можете забыть, оно вам вряд ли пригодится. Так вот, не пройдет и пары лет, как конные сержанты привяжут вас к лошадиным хвостам, протащат по земле до виселицы и вздернут на ней как паршивую собаку. Это в лучшем случае, в худшем же – предварительно сварят заживо.

Беспалый продолжал насупленно молчать, белобрысый лобач – беззвучно поддакивал. Арно вложил в ножны свой видавший виды бракемар:

– У меня есть идея получше. Мы с этими почтенными мессирами, – Арно обвел взглядом Гастона, Керре и возвышавшегося над ними Бидо, – собираемся направиться на юго-восток, в богатые земли ломбардцев. Если пожелаете, можете присоединиться к нам. Что скажете?

Беспалый лишь презрительно сплюнул в ответ. Его щербатый приятель очевидно колебался.

– Что скажешь, Грожан? – обратился к нему Арно. – Или мне лучше называть тебя твоим настоящими именем – Мартен?

– Откуда ты узнал? – телячьи глаза щербатого парня округлились от удивления.

– Я догадался, – улыбнулся Арно.

– Но как?

– Это было несложно. Ты как-то рассказывал, что твой отец-виноградарь до того устал от дочерей, которых намастрячил без числа, что когда родился ты, первый мальчик, он на радостях выпил столько молодого вина, что едва не отдал Богу душу.

– Ну да, – подтвердил щербатый. – Но я никому не говорил, что меня зовут Мартеном, даже Дрозду, – кивнул он в сторону беспалого.

– Ты также упомянул как-то раз, что нигде не был, кроме своей родной деревеньки и Тура. А вчера ночью, когда вы с Дроздом о чем-то разговаривали у костра, ты в задумчивости чертил веткой на земле букву «М». При этом ты не знаешь грамоты. Значит, «М», скорее всего – первая буква твоего имени, которой ты привык расписываться или просто где-то выучил по случаю.

– Гм… Но с чего ты взял, что я Мартен, а не Марсель, Марцелин, Морис, Матье или какие там еще бывают имена?

– Очень просто, мой дорогой друг. «Молодое вино» – значит, дело было не раньше начала ноября, в канун дня Святого Мартина. Возможно, прямо на сам праздник. Отец твой был виноградарем, а Святой Мартин – покровитель виноделов. Потом, Тур. Зачем тебе было ходить в Тур, так далеко

от дома, если не в базилику, к гробу Мартина Милосердного? Итак, если связать все это, почти наверняка получается, что твое имя – Мартен.

– Действительно, просто, – с легким разочарованием выдохнул щербатый.

– Но только после того, как я всё объяснил, – улыбнулся своей обворожительной улыбкой Арно. Когда хотел, он умел быть обворожительным. – Ну так что ты решил, Мартен? Пойдешь с нами или останешься здесь, дожидаться своей очереди на виселицу?

– Извини, Дрозд, – помолчав пару секунд, вымолвил Мартен, – но мне и вправду не очень по душе то занятие, что мы себе нашли. А этот велеречивый пройдоха, быть может, придумает что-то получше. Ты пойдешь с нами?

Ответом ему было упрямое молчание беспалого и очередной презрительный плевок на землю.

***

Утро понедельника выдалось таким, каким и должно быть утро свадебного дня. На небе ни облачка, прозрачный воздух дышит росяной свежестью, легкий ветерок покачивает ветви яблонь в небольшом садике у дома.

Ариане не терпелось поскорее надеть новое платье, что двумя днями ранее привезла из города мать. Но до этого еще предстояло наносить из речки воды в сад, набрать в лесу хвороста и помочь матери на кухне с угощениями для гостей.

Хорошо еще, что они не держали скотину. Да и где б ее держать? Домишко их был совсем крохотный: комната с земляным полом и небольшая кухонка за стеной. Мать сама, в одиночку, построила его когда-то на отшибе Кастаньеды. Она же посадила вокруг дома яблони, померанцы и крыжовник.

Мать Арианы зарабатывала на жизнь тем, что лечила людей из окрестных деревень и приселков. Иногда к ней приезжали даже из города. У кого она всему этому научилась, Ариана не знала. Может, у бабушки. Хотя ни про каких бабушек мать никогда не рассказывала. Когда-то давно, в детстве, Ариана подслушала разговор дядюшки Эстрабу с соседкой Менгиной. Кривоглазая и вечно брюзжащая Менгина говорила что-то про «добрых христиан», какого-то Гийома Белибаста и зеленеющий лавр. Когда Ариана немного подросла, она спросила однажды у матери, кто такие эти «добрые христиане» и почему лавр должен зазеленеть через семьсот лет, если он без того все время зеленый. В ответ мать с такой силой вдарила ей по губам, что у Арианы зазвенело в голове. С тех пор у ней пропала всякая охота задавать вопросы о непонятных и далеких от нее вещах.

Но сегодня Ариана не смогла удержаться. Ведь она уже совсем взрослая, не станет же мать снова бить ее по губам?

– Матушка, – после долгих колебаний решилась Ариана. – Только не сердись, пожалуйста.

– Чего тебе? – мать оторвалась от стряпни и обернулась.

– У нас ведь вместо отца невесты будет дядюшка Эстра-

бу, да?

– Что ты спрашиваешь всякие глупости? Ты же знаешь, что да.

– А сам он – где? – краснея, пролепетала Ариана.

– Кто? – не поняла вопроса мать.

– Ну… отец невесты.

– Ах, вон ты о чем, – мать снова отвернулась, вытирая руки о передник. – Я не знаю.

– А кто он был? Он умер?

– Я не знаю. Надеюсь, что нет.

– Он был бригандом?[60]

– Бригандом? С чего ты взяла? Нет, он был… кем-то вроде церковника.

– Церковника? – округлила глаза Ариана. – Он был из… из «добрых христиан»?

– Не произноси больше этих слов, если не хочешь оказаться на костре! – мать с грохотом бросила глиняную миску на стол. Затем, смягчившись, добавила: – Нет, из обычных церковников. По крайней мере, одет он был как они.

– А где он жил? Или живет?

– Говорю тебе: я не знаю. Он был не из наших мест.

– Он что, был франсиманом?[61]

– Нет, скорее алеманом[62]. Он говорил на совсем чужом

---

[60] Разбойником.

[61] Жителем Французского королевства.

[62] Немцем.

языке.

– А как же вы разговаривали? – удивилась Ариана.

– Мы не разговаривали… – задумалась на миг мать. – И отстань уже от меня со своими расспросами! Иди лучше платье надень, скоро гости придут.

Свадебное платье, которое уже сегодня вечером станет просто воскресным, стоило поистине невообразимых денег. Но оно того стоило, думала Ариана, доставая ярко-синее котарди из деревянного сундука, обглоданного по углам крысами. По центру платья вилась замысловатая вышивка золотой нитью, укороченные рукава с типпетами – длинными свисающими лентами – заканчивались фестонами в форме листьев фигового дерева. Спереди платье было сшито так хитро, что делало грудь выше и пышнее на вид. Ариана долго упрашивала швею сделать именно так: ведь ее собственная грудь всегда казалась ей неказистой. Разубедить ее в этом не могли ни мать, ни швея, ни даже дядюшка Эстрабу.

Мать помогла затянуть шнуровку на спине. Ариана повернулась в одну сторону, в другую. Широкая юбка ласково шуршала в такт движениям. Ариане хотелось прыгать от восторга. Платье сидело настолько идеально, словно она родилась в нем. В передней части юбки имелось два отверстия – чтобы, просунув в них руки, можно было приподнять юбку при беге. Ариане тут же захотелось сделать это – чтобы скорее выбежать на улицу, на солнце, в теплое июньское утро; чтобы все увидели ее чудесное преображение.

Но нужно было еще обернуть вокруг талии широкий белый пояс и прикрепить к груди букетик флердоранжа[63] – символ чистоты и невинности. Пока Ариана возилась с цветками, начали подходить гости. Первым пришел, как водится, шафер Шибале, за ним ввалились еще двое друзей жениха. Принеся с собой большую плетеную бутыль красного вина, заткнутую, вместо пробки, веточкой самшита, они принялись расхаживать по улице перед домом, предлагая редким прохожим выпить за здоровье жениха и невесты.

В саду под яблонями дядюшка Эстрабу мастерил свадебный стол, уложив на козлы грубо очищенные доски. Вскоре подошел Жанте, неся с собой две стеатитовые чарки, большую фаянсовую пиалу и какую-то круглую берестяную коробку. Ариана тут же принялась выпытывать у него, что там, в этой коробке; поначалу жених крепился, но вскоре не выдержал и открыл крышку. Внутри были ягоды – те, которые Ариана раньше видела только на столах богачей, да и то мельком. Красная смородина, самая настоящая!

Между тем, пора было садиться за стол. Первым блюдом шла мясная похлебка, после нее – поджаренные на вертеле садовые овсянки, поданные на деревянных траншуарах и обложенные кусками зачерствевшего хлеба, чтобы масло и жир не стекали с краев. Гости, как обычно, ели по двое с одного траншуара. В завершение трапезы принесли миски с полевой земляникой и раздобытой Жанте смородиной.

---

[63] Флердоранж – цветки померанцевого дерева.

После застолья гости, вставая из-за стола, подходили к невесте, доставали из карманов монетки, крестили ими лоб невесты, после чего клали их в стоявшую на столе плошку. Затем в доме невесты расстелили на полу белое покрывало. Ариана встала на колени в центре покрывала, и дядюшка Эстрабу, на правах отца, покрыл ее голову венком из флердоранжа. После этого невеста прошла к двери дома, у порога которой был выложен из соломы большой крест. Преклонив колени на крест, Ариана, как того требовала традиция, принялась просить прощения у родственников, друзей и соседей.

Затем все снова вышли наружу. Ариана с тревогой взглянула на небо, неожиданно затянувшееся невесть откуда взявшимися тучами. «Только не дождь!» с испугом подумала она. Ведь дождь в день свадьбы означал, что невеста уже не невинна.

Шибале принес толстую ветку с девятью недозрелыми яблоками и начал раздавать их: первое – жениху, второе – матери Арианы, третье – дружкам жениха, и так далее. Все это сопровождалось распеванием незамысловатой свадебной песни.

Погода тем временем продолжала портиться. Откуда-то налетел неприятный колючий ветер, взбаламутил дорожную пыль, а вскоре закрапали и первые капли дождя. Сначала одна, другая, затем дождь часто и зло застучал по листьям, на глазах превращаясь в настоящий ливень.

Укрываясь от дождя под навесом, Ариана чувствовала, как гости косо переглядываются за ее спиной. Но обиднее всего было видеть взгляд Жанте: холодный, злой и недоверчивый. Неужели он верит глупым приметам больше, чем ей? Ведь он же сам сможет во всем убедиться сегодня ночью. И все же Жанте смотрел на нее так, как будто она только что опозорила его перед людьми.

Дождь прекратился столь же внезапно, как и начался. Пора было отправляться в церковь. Решили, что поедут на двух повозках. На одной, с дядюшкой Эстрабу – жених, невеста и двое шаферов. На другой, с матерью Арианы – четверо родственников Жанте. Остальные гости понемногу начали расходиться по своим делам.

Шаферы закончили устилать дорогу от дома зелеными ветками и камышом. Уже садясь на повозку, Ариана вдруг вспомнила про своего старого друга. Как же она могла забыть о нем?! Ариана вбежала в дом, достала из сундука своего потрепанного Жужу и вернулась к повозке. Мать неодобрительно качнула головой: мол, двадцать годков скоро, а все игрушки на уме. Жанте же лишь улыбнулся, не то снисходительно, не то виновато. Кажется, ему было немного стыдно за свое недавнее недоверие.

Дядюшка Эстрабу что-то крикнул своим мулам, и повозка тронулась. «Прощай, старенький дом с покосившейся крышей, скоро ли свидимся снова?» Ариана старалась не смотреть назад, чтобы невзначай не расплакаться. Только впе-

ред – туда, где за бескрайними полями вереска открывались горизонты новой жизни.

***

Своим вчерашним запоздалым визитом Ивар растревожил размеренную жизнь аббатства. Сначала его долго не хотели пускать. Пришлось подобрать с земли камень и изо всех сил дубасить в дубовую дверь. Ни звука в ответ, словно повымерли все. Спустя какое-то время на пороге все же показался заспанный монах. Ивар протянул ему письмо аббата. По-видимому, монах мало что понял спросонья, но все же пригласил Ивара жестом внутрь, после чего недоверчиво обвел взглядом сумеречную площадь перед воротами, буркнул что-то под нос и затворил дверь.

– Аббат уехал в Сулак по делам, – ведя Ивара через яблоневую аллею, сообщил монах. – За него сейчас брат Бернар, наш приор. Жди здесь, я сейчас разбужу его.

Ивар остался ждать у небольшой двери, ведшей в двухэтажное каменное здание. Справа, за рядами невысоких яблонь, виднелись ровные делянки огородов, кое-где перемежающиеся аккуратно подстриженным кустарником. Чуть в отдалении, на юге, возвышалась небольшая часовня, окруженная кладбищенскими крестами.

Через несколько минут дверь отворилась, и в проеме показалась худощавая фигура приора. На вид ему можно бы-

ло бы дать лет тридцать с небольшим, если бы не осунувшееся лицо, изможденную худобу которого подчеркивал синюшный лунный свет. В одной руке он держал зажженную свечу, в другой – ферулу[64]. Придирчиво оглядев Ивара, приор произнес:

– Рад приветствовать тебя, брат, в нашей обители. Будь так добр, покажи мне письмо аббата.

Иван протянул пергамент. Поднеся свечу, приор принялся читать, сосредоточенно шевеля губами. Затем вернул письмо Ивару:

– Аббат говорил мне про тебя. Но до тех пор, пока он не приедет, мы не сможем приступить к работе. Аббат лишь недавно привез эти книги из Италии и сразу же отбыл в сулакский монастырь с инспекцией. Единственный ключ от ларя с книгами остался у него. Так что придется подождать. Я думаю, через пару дней он вернется. А пока – добро пожаловать в нашу обитель. Сейчас я позову странноприимца, он покажет тебе твою келью.

Странноприимный дом располагался тут же неподалеку, у монастырской ограды. Монах-странноприимец разбудил своего помощника, наказал ему сходить на кухню и принести теплой воды, чтобы гость мог омыть ноги. Затем они с Иваром поднялись на второй этаж. Странноприимец указал Ивару его келью, вручил ему lucubrum – плавающий в воске горящий кусочек пакли – и удалился. Ивар оглядел свое буду-

---

[64] Линейку для наказания.

щее жилище. Лежанка с соломенным матрацем, грубый деревянный стол и налой[65] справа от узкого оконного проема, сквозь который проглядывала молодая Луна. Вскоре пришел еще один монах, принес четвертину хлеба и небольшой глиняный кувшин с разбавленным вином. Молча поставил еду на стол, молча же удалился. Ивар заметил болтавшуюся у него на поясе восковую табличку. На таких табличках монахи обычно писали, когда не хотели нарушать тишину, а языка жестов недоставало для выражения желаемого.

Наскоро поужинав, Ивар устроился на лежанке и тут же заснул.

Проснулся он от надсадных петушиных криков во дворе. Снаружи уже почти рассвело; с реки потягивало влажной прохладой летнего утра. Аббатство постепенно оживало. Ивар слышал приглушенные разговоры, шорох шагов за дверью, кудахтанье кур за окном, плеск льющейся воды и постукиванье деревянных кадок. Пора было спускаться к молитве.

Приму[66] служили в аббатской церкви Сент-Круа. Монахи с любопытством разглядывали новичка, иногда о чем-то перешептываясь. Ивара же больше интересовало внутреннее убранство храма. Он с интересом рассматривал сцены из Священного Писания, высеченные на колоннах безвестным скульптором: Иисус, восседающий в храме среди раввинов, пророк Даниил, запечатывающий пасти львам. На про-

---

[65] Наклонная подставка для чтения и письма.

[66] Богослужение, совершавшееся около 6 часов утра.

тивоположной стене были вылеплены две коронованные головы, мужская и женская. Пол церкви – судя по всему, очень древний – был сложен из полуистертых изразцов, на которых угадывались изображения библейских героев, животных, растений и сказочных чудищ.

После молитвы шла работа, в полном соответствии с наставлениями Святого Бенедикта. Приор спросил Ивара, где он предпочел бы трудиться: в скриптории или на хозяйстве. Ивар выбрал второе: насидеться в пыльном тусклом скриптории он еще успеет.

После этого приор отвел его к брату келарю, невысокому пухловатому монаху с круглым лицом. По пути Ивар заметил на земле – точнее, на невысоком каменном подножии – солнечные часы, по окружности которых читалась надпись Non numero horas nisi serenas[67]. Чуть поодаль буйным пестроцветьем услаждали взор ровные ряды цветочных клумб; за ними скрывался небольшой искусственный прудик, в котором монахи устроили живорыбный садок.

Брат келарь привел Ивара к пекарне. «Вот сюда нужно будет носить муку с мельницы. Пойдем, покажу дорогу». Они развернулись и пошли в обратном направлении, только на этот раз огибая аббатские постройки со стороны реки. По пути брат келарь без устали рассказывал Ивару о новых землях, пожалованных аббатству, о притеснениях жю-

---

[67] Фраза на латыни с двойным смыслом: 1) «Отсчитываю лишь часы светлого времени суток» и 2) «Отсчитываю лишь счастливые часы».

ратов, норовивших лишить монахов их исконных привилегий, о некоторых жестокосердных братьях, вот уже который год жалующихся на аббата в Авиньон[68] – за то, что он назначил ризничим не своего, а чужака-клюнийца, да еще и без согласия капитула.

Так, за разговорами, они миновали ворота Сент-Круа, самый южный выход из города. Келарь, указав на Ивара, сообщил стражникам у ворот, что это их новый переписчик, прибывший из Англии по приглашению аббата переводить ученые книги. Почти сразу же за воротами протекала небольшая речушка Обурд, чье широкое устье, впадающее в Гаронну, сильно пересыхало при отливе. Келарь указал рукой на запад, где в сотне шагов вверх по речушке проглядывала из камышей старая водяная мельница с красной черепичной крышей. «Мельник уже видел тебя на службе. Нужно будет забирать у него кадки с мукой и относить их к пекарне. А незадолго до полудня, как зазвонит колокол, подходи в трапезную: это сбоку от странноприимного дома. Vade cum Deo»[69]. С этими словами келарь развернулся и слегка подпрыгивающей походкой зашагал назад, по своим делам.

Пространство между речушкой и городской стеной было сплошь заставлено монастырскими постройками – свинарниками, курятниками, силосными ямами – окруженными высоким деревянным частоколом. На другом берегу, сре-

---

[68] Римскому папе.

[69] Ступай с Богом (лат.).

ди осушенных болот, сочными листьями блестели на солнце монастырские виноградники. «Богатое аббатство», думал Ивар. «Надеюсь, аббат не поскупится с оплатой».

Время до обеда пролетело незаметно. По звону колокола Ивар направился в трапезную. Просторное светлое помещение, выходящее окнами на юг, уже вобрало в себя около сотни монахов. Внутри пахло свежим укропом и мятой, обильно рассыпанными по каменному полу. Сегодня был понедельник, а значит, полагалась скоромная пища, да еще и в двойном размере: от келаря и от рыбника[70]. Монахи в молчании степенно рассаживались за длинными столами, застланными узкими скатертями из грубой серой холстины. На столах уже стояли деревянные плошки с хлебом, покрытые груботканными белыми салфетками. Напротив каждого едока лежала деревянная ложка и щеточка для сметания крошек. Ножами монахи пользовались своими, теми, что постоянно носили на поясе.

Под пение псалмов помощники ризничего разносили миски с вареной рыбой, придерживая их за края пальцами, обернутыми в рукава ряс – чтобы не касаться еды. На входе в трапезную Ивар ополоснул руки из подвешенного к стене кувшина, затем вытер их чистым рушником, выдаваемым каждому входившему. Один из помощников ризниче-

---

[70] Одна из монастырских должностей, отвечающих за снабжение мясом и рыбой; название «рыбник» сохранилось с тех времен, когда монахи питались исключительно постной пищей.

го, худощавый послушник с хитрыми крысиными глазками, молча указал Ивару на свободное место за ближайшим столом. Ивар немного удивился, что незнакомому гостю отводят здесь столь почетное место во главе трапезной, но ничего не сказал, лишь молча проследовал к столу. Сидевший рядом монах удивленно взглянул на него, но тут же вернулся к своим мыслям.

Дослушав De verbo Dei[71], монахи принялись вкушать пищу в сосредоточенном молчании. Ивар с наслаждением поглощал куски сочной трески, приправленной чесноком, кервелем, зернистой горчицей и обсыпанной сверху свежей зеленью. Увлекшись трапезой, он не сразу заметил косившиеся в его сторону взгляды сотрапезников. Подняв, наконец, глаза, Ивар увидел стоявшего перед ним седого старика в темно-серой рясе, препоясанной толстой веревкой с тремя узлами. «Странный кордельер[72]. Что ему нужно здесь?» Старик продолжал безмолвно стоять и в упор разглядывать Ивара, словно диковинную пичужку.

На вид старику было лет семьдесят. Густые седые брови, клочки пепельно-серых волос на ушах, тонкий, чуть крючковатый нос, острый проницательный взгляд.

– Вам что-то нужно от меня? – спросил, наконец, Ивар назойливого францисканца.

---

[71] Молитва «О Слове Божием».

[72] Букв. «веревочник», из-за веревочного пояса; распространенное во Франции название францисканцев.

– Судя по всему, вы прибыли к нам из Нормандии либо из Дании, не так ли? – ответил тот вопросом на вопрос.

– И отчего же вы так решили? – недоуменно поинтересовался Ивар.

– По той непринужденности, с которой вы заняли чужую территорию. – Сидевшие рядом монахи заулыбались шутке старика, в то время как вся остальная трапезная взирала на их скандальный стол с молчаливым осуждением.

– Но помощник ризничего сказал мне… – начал было Ивар, однако францисканец сердито перебил его, обводя взглядом помещение:

– И какой же именно?

Ивар попытался отыскать среди монахов того послушника с крысиными глазками, но тщетно – того и след простыл. Вскоре к возмутителям спокойствия подошел трапезничий. Быстро уяснив суть проблемы, он попросил Ивара пересесть за другой стол: тот, за которым вкушали хлеб и вино семеро каких-то оборванцев, судя по всему, городских бедняков. Спорить было бессмысленно. Пришлось идти через всю трапезную к этим «стражам Неба», оставив недоеденную треску прилипчивому старикашке. «Сам уже одной ногой в могиле, а все туда же: место его, видите ли, заняли не по чину!» раздраженно думал Ивар, подсаживаясь к беднякам.

После обеда монахи разошлись на недолгий полуденный отдых, Ивар же тем временем решил получше осмотреть аббатскую церковь, тем более что погода внезапно испорти-

лась: с неба, затянутого тяжелыми тучами, уже начинали падать первые капли дождя.

В прохладном полумраке церкви пахло ладаном и свечным воском. Справа от Ивара, перед небольшим алтарем, возвышалась статуя какого-то святого, высеченная из тонкозернистого камня. В черной накидке и монашеской рясе с широкими свисающими рукавами, святой в одной руке держал книгу, в другой – аббатский посох, изогнутый вверху и заостренный книзу. Посох поддерживал ангел с расправленными крыльями, наполовину сокрытый в облаке.

Сзади послышался шорох шагов. Ивар обернулся. По направлению к нему шли четверо: приор и трое незнакомцев, двое из которых как будто удерживали третьего между собой. Судя по всему, они направлялись к тому алтарю из черного камня, рядом с которым стоял Ивар. Чтобы не мешать, он переместился к левой стене главного нефа. Приор шепотом говорил что-то двум незнакомцам, в то время как третий, опустившись на коленях перед алтарем, принялся истово начитывать псалом: «Miserere mei Deus, secundum magnam misericordiam Tuam… labia mea aperies: et os meum annuntiabit laudem tuam…»[73]

Внезапно Ивар осознал, что молящийся перешел с латыни на гасконский. И читал уже не Miserere, а нечто странное. Потом вдруг ни с того ни с сего гасконец затрясся, яростно

---

[73] Помилуй меня, Боже, по великой милости Твоей… отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою (лат.)

порываясь подняться. Двое спутников крепко удерживали его за плечи, прижимая к земле. Бедолага кричал все громче, не оставляя попыток вырваться:

– Истинно говорю: грядет она! грядет из недр земли, из самых глубин Преисподней! и ничто не преградит пути ея: ни горы, ни бездонные океаны! И спасения несть от нее, ибо сила ее не от мира сего! И аще не прольет себя огненным дождем, скопившись в облацех, то просочится туннелями темными, туннелями Сатаны! И принесет смерть не ведающая смерти! Поелику наслал ее Враг рода человеческого, наслал, дабы досадить ангелам Господним, порушив их планы грядувшего…, – гасконец запнулся, умолк, затем снова принялся вскрикивать: – Грядящего… погрядшего… во грехе погрязшего… Враг! высобур! вельзебур!… – не в силах высказать то, что терзало его сердце, несчастный рухнул на каменный пол и заплакал.

Спутники торопливо подняли его и вывели из церкви. Подойдя к приору, Ивар спросил:

– Брат Бернар, кто это был? Похож на одержимого.

– Скорее, безумного. Когда-то он был не последним человеком в городе – пока душевная болезнь не поработила его разум. Аббат предписал ему десятидневную молитву на алтаре Святого Моммолена, – приор указал рукой на закопченную статую святого. – Потом еще десять дней моления на алтаре Святого Мавра в церкви Кармелитов. Да призрит Господь его заплутавшую во мраке душу!

С этими словами приор покинул церковь, догоняя ушедших. Ивар направился к выходу вслед за ними.

***

– Брат Бернар, – Ивар догнал приора уже на паперти, – ты не уделишь мне немного времени?

– Да, конечно, что тревожит тебя?

– Я хотел бы поговорить о ваших правилах. О тех из них, которые мне, как мирянину, следовало бы соблюдать.

– Похвальное устремление! Начнем с правила первого: проявлять смирение и послушание, сиречь слушаться во всем аббата или же, в его отсутствие, приора. Если, конечно, слова их не противоречит уставу нашего ордена.

– Понятно. А конкретнее?

– Пожалуй, начать стоило бы с правил поведения в трапезной, – улыбнулся приор. – Учитывая тот балаган, что вы устроили сегодня с братом Гилленом.

– С тем стариком-францисканцем? Прошу простить меня, я непреднамеренно. А что делает этот кордельер в вашем аббатстве?

– Брат Гиллен – гость нашего настоятеля. Но речь не о нем. Перво-наперво, нельзя опаздывать к трапезе. Ибо таковые нерадивцы пренебрегают предобеденной молитвой. Приступать к трапезе следует не ранее, чем закончат читать De verbo Dei. Во время вкушания пищи не должно заглядывать в чужие миски и зыркать по сторонам, но надлежит си-

деть смиренно, опустив взор в свою миску. Разумеется, запрещено нарушать обеденную тишину какими-либо возгласами или суетой слов.

– А как быть, если разносчики обнесут тебя каким-то блюдом?

– Жаловаться нельзя. Но я расскажу тебе, как поступил однажды в подобном случае сам Святой Бенедикт. Так случилось, что в поданном ему супе Учитель обнаружил мертвого мыша. Как поступить? Ведь жаловаться запрещено. Но и употреблять в пищу тошнотворного зверька ему тоже не хотелось. Тогда Святой Бенедикт жестом подозвал к себе прислужника в трапезной, указал ему перстом сначала на мыша, затем на соседа по столу и шепотом спросил: «Брат, отчего ты выделил одного меня из всей братии? Разве остальные братья не заслужили права на мыша в похлебке?»

Приор негромко рассмеялся, затем продолжил:

– Пить монах должен исключительно сидя, удерживая кружку обеими руками, и не сёрбая при этом. После трапезы кружку надлежит перевернуть вверх дном и прикрыть ее, вместе с остатками хлеба, краем скатерти. Хлеб этот потом раздадут нуждающимся. Затем следует встать из-за стола, вознести благодарственную молитву, поклониться и в молчании покинуть трапезную. Ах да, и главное: запрещается вкушать пищу до полудня или вне стен трапезной, если на то нет специального разрешения настоятеля. Но таковое дается обычно лишь больным, старикам и тому подобным случаям.

– А вторая трапеза? – спросил Ивар.

– Если нет поста, то вторая трапеза, сиречь вечеря, накрывается после вечерни. Обычно в вечерю у нас подается микстум, то бишь фунт хлеба и пинта «бастардного»[74] вина. Монахам полагается вино получше, конверзам[75], новициям[76] и мирянам – похуже.

– Фунт – это английский фунт? – уточнил Ивар.

– Нет, наш, бенедиктинский. Тот, который «славно весит», – хитро улыбнулся приор.

– И насчет служб, – продолжил Ивар. – Каковы здесь правила?

– Миряне не обязаны посещать наши службы, – ответил приор, – кроме полуденной, присутствие на которой желательно. Но если пожелаешь – приходи хоть на утреню, только не забудь предупредить братьев, чтобы разбудили тебя. Когда гость участвует в богослужении, он тем самым не только благодарит монахов за гостеприимство, но и показывает им, что аббатство для него – не просто постоялый двор.

– Брат Бернар, я спрашивал у разных духовных лиц, хочу спросить и у тебя. Насчет утрени, той, что служится в полночь. Зачем разрывать ночной сон, какой в этом смысл?

– Смысл большой. Я отвечу так. Однажды, когда король

---

[74] Разведенного.

[75] Конверз – лицо, принадлежащее к монашескому ордену и живущее в монастыре, но принявшее на себя только часть монашеских обетов.

[76] Послушникам.

французский Филипп Август плыл ночью на корабле, разыгралась внезапно ужасная буря. Тогда король приказал своим людям молиться до наступления полуночного часа: «Нам нужно лишь продержаться до того времени, когда в монастырях воспоют утреню. Тогда монахи сменят нас в молитве, и мы будем спасены». Час ночной – се есть то время, когда некому, кроме монахов, защитить христианский мир молитвой, аки духовным щитом. Потому и любит Нечистый плесть свои козни в подлунном мире, когда сила его велика.

– Кстати, о ночи. Когда я работал в Великой Шартрезе[77], – заметил Ивар, – гостям, и тем более монахам, запрещалось не спать по ночам. У вас тоже строго с ночными бдениями?

– Разумеется. После повечерия наши монахи, а также конверзы, облаты[78] и послушники должны разойтись по своим кельям. После чего им запрещается бродить по аббатству без нужды, перешептываться друг с другом или бодрствовать без особого разрешения настоятеля. Наш аббат также не приветствует чрезмерное усердие в умерщвлении плоти, особенно в неурочный час. Я прошу тебя, любезный брат, придерживаться наших правил, пока ты живешь в нашей обители. Наш монашеский долг велит безвозмездно предоставлять тебе кров и пищу в течение трех дней. Если пожелаешь остаться и далее жить в нашем странноприимном доме – мы будем только рады, но это уже пойдет в счет оплаты

---

[77] Картезианский монастырь на востоке Франции, севернее Гренобля.

[78] Люди, пожертвовавшие свое имущество монастырю и живущие в нем.

твоей работы. Кстати, скрипторием у нас, а также библиотекой и книгохранилищем, заведует наш старший певчий, брат Ремигий. Ты наверняка сможешь найти его сейчас в клауструме[79], средоточии нашего общежительного бытия…

– Брат Бернар! – из главных ворот аббатства, расположенных справа от входа в церковь Сент-Круа, появился незнакомый монах и чуть прихрамывающим шагом поспешил в сторону паперти. – Брат Бернар, пергаментщик опять отказывается работать! Утверждает дерзновенно, что мы задолжали ему аж с самого Рождества.

– Ох уж эти лихоимные горожане! – тяжело вздохнул приор. – Как будто не понимают, во что нам обошлись войны прошедших двух лет. Прости, дорогой брат, что вынужден оставить тебя: vanitas vanitatum et omnia vanitas…[80] – приор наспех перекрестил Ивара и направился в монастырь вместе с хромым монахом.

***

Небо то хмурилось, то прояснялось вновь, наполняя городской воздух сонным послеобеденным маревом. На небольшой паперти перед церковью Сент-Круа расселось на земле с десяток нищих, без особой надежды поглядывавших на Ивара и его поношенную котту. Чуть поодаль ше-

---

[79] Во внутреннем дворике монастыря.

[80] Суета сует и всяческая суета (лат.).

лестел листвой небольшой плодовый сад, в тенях которого укрылись редкие торговцы рыбой и мелкой скобянкой.

От нечего делать Ивар принялся разглядывать фигурную лепнину на арке ворот: змею, кусающую женщину за грудь, псов, бегущих вереницей неведомо куда. Внезапно из-за угла церкви, со стороны ворот Сент-Круа, послышались оживленные голоса. Повернув за угол, Ивар увидел, как на небольшой площади перед городскими воротами понемногу собирается толпа зевак. Что привлекло их внимание и о чем они говорили, было не разобрать, до Ивара доносилось лишь то и дело звучавшее слово «каготы».

Он подошел ближе. В центре толпы зевак стояли трое парней и девушка. Судя по всему, они поджидали кого-то, то и дело бросая взгляды в сторону ворот Сент-Круа. Вокруг столпилось десятка три горожан: торговок, носильщиков и обычных бездельников, бурно обсуждавших что-то между собой. Ивар прислушался. Один из горожан, плешивый косоглазый носильщик, произнес нараспев издевательским гундосым голосом:

– Куда ты дел свое ухо, Жан-Пьер? Продал его по кусочкам? Или скормил бродячим собакам?

Собравшиеся зеваки гоготнули, но без особого задора. Видно было, что шутку эту они слышали не в первый раз. Косоглазый, явно рассчитывавший на больший успех у публики, не унимался. Все с той же гундосой издевкой он принялся изображать диалог, сам же себе и отвечая:

– Куда идете вы, любезные каготы? – На свадьбу. – А кого пригласили вы к себе на свадьбу? – О, мы пригласили многих почтенных гостей! У нас будет мессир Плюгав де Мюра, наш великий жюра[81], Матаграб де Гангрен, знатный наш сюзерен, Упивон де Блево, справедливый прево[82] и Пессо де Плюи, достославный бальи[83].

На этот раз горожане смеялись как умалишенные. «Упивон де Блево, ха-ха-ха, ты слышал?!» спрашивали они друг друга сквозь смех. «Надо же выдумать такое!»

Ничего не понимая, Ивар посмотрел на стоявших в центре круга. Особенно привлекла его внимание девушка. Лет двадцати на вид, темноволосая, в дорогом синем платье, к которому, слева от выреза, зачем-то был пришит нелепый кусок красной ткани в форме гусиной лапки. Бледное лицо девушки, как будто никогда не видевшее солнца, от испуга и волнения приобрело едва ли не синюшный оттенок. Слегка сутулясь, словно в ожидании удара под дых, она то и дело оглядывалась в сторону городских ворот. Рядом с девушкой, широко расставив ноги, стоял молодой парень, лобастый, с высокими залысинами, чуть ниже ее ростом, с глазами как у затравленного зверя. Только сейчас Ивар заметил, что и у пар-

---

[81] Жюра, или жюрат – член городского совета, выборная административно-судебная должность; то же, что «эшевен» в северной Франции.

[82] Должностное лицо с широкими полномочиями.

[83] Представитель короля или сеньора в области, называемой бальяжем; в южной Франции ему соответствовала должность сенешаля.

ня, и у двоих его друзей, застывших неподалеку с каменными лицами, также были пришиты к груди красные гусиные лапки. «Может, какой-то новый орден?» подумал Ивар. «Но они совсем не похожи на монахов».

Сзади к нему притиснулась немолодая уже торговка, пахнущая рыбой, луком и прокисшим потом. Окинув Ивара оценивающим взглядом, она без обиняков спросила:

– Наваррец?

Ивар неопределенно кивнул.

– Я Пейрона, – представилась женщина.

– Ивар. Что тут происходит?

– Где? А, это… Вонючки пришли венчаться – как будто у них своей церкви нет.

– В смысле «вонючки»? – не понял Ивар.

– Вонючки и есть вонючки. Ну ладры, каготы, прокаженные. Ни разу не слышал, что ли?

– Слышал, конечно. Но они вроде не похожи на прокаженных.

– Господу виднее. Сегодня не похожи, завтра похожи.

– А при чем тут «ухо скормил собакам»?

– А ты сам присмотрись к ним повнимательнее и увидишь, что у них уши-то – без мочек.

Ивар посмотрел на девушку в синем платье, потом на ее спутников: вроде уши как уши.

– А что за красные тряпки у них на одежде? – спросил Ивар торговку.

– Так положено. Каготам разрешено заходить в город только по понедельникам и с нашитой гусиной лапкой, чтобы все их видели и не заразились.

– Почему гусиной?

– Почем я знаю? – пожала плечами женщина. – Может, оттого, что они как сарацины: моются то и дело. Как гуси.

– А почему «каготы»?

– Да потому что воняют дерьмом. Изо рта смердит и от тела вонь страшная, особенно когда дует ветер с юга.

Стоявший рядом молодой монах-доминиканец, с интересом прислушивавшийся к их разговору, не выдержал:

– Вот что ты глупости городишь, безумная женщина? Не потому «каготы», что воняют – хоть они и вправду воняют – а потому, что canes Gothi, сиречь готские псы. То бишь отродье нечестивых готов, разносчиков арианской ереси.

– Мы, конечно, книжек ваших мудреных не читали, – обиженно ответила торговка, – но кое-что знаем и без книжек.

– И что ты знаешь, о несчастная? – закатил глаза монах.

– А то, что они происходят не от готов твоих, а от сарацин и жидов. За это их Господь и проклял. Поэтому и трава вянет там, куда ступает их нога, и любой плод, что возьмут в свои руки, червивеет и гнилью поражается. А еще люди говорят, что они, на самом деле, родятся от басахонов и басандер, поэтому у них и перепонки между пальцев как у жаб.

– Тьфу ты, глупая женщина! Рассказать бы настоятелю про твои языческие бредни, да жаль на тебя время тратить.

– А то, что они все ворожеи и колдуны, тоже бредни? – не унималась торговка. – Говорю тебе: горит во нутре их дьявольский огонь похоти, оттого и пышет от них жаром как от печки.

– Осторожнее с такими речами, женщина! – предостерегающе поднял руку доминиканец. – Не то как бы тебе самой не оказаться на крюке. Или не знаешь, что Святой Престол постановил в булле Super illius specula? Поступать как с еретиками – сказано там – с теми, кто вступает в сговор с силами Ада, приносит жертвы демонам и поклоняется им, а также посредством магии изготовляет склянки и амулеты с заключенными в них злыми духами.

– А ведь когда-то, при Карле Великом и даже Грациане[84], – услышал Ивар за спиной высокий насмешливый голос, – сама вера в ворожей и колдунов считалась ослеплением диавольским и каралась смертью.

Ивар обернулся. Высокий чуть подрагивающий голос принадлежал странному молодому человеку в темном балахоне, сильно повыцветшем на солнце и многократно перестиранном. На вид не старше Ивара, худой, болезненного вида, с тонзурой, наполовину заросшей редкими волосами серовато-каштанового цвета, с длинным заостренным носом и тонкими бескровными губами – во внешности незнакомца и его манере говорить было что-то неустойчивое, болезнен-

---

[84] Грациан – знаменитый юрист XII века, автор «Декрета Грациана», важнейшего свода западноевропейского канонического права.

но-нервическое.

– Как ты, возможно, помнишь, брат Адальгиз, – поспешно продолжил человек в балахоне, словно опасаясь, что его вот-вот перебьют, – Падерборнский закон предписывал карать смертью за сожжение ворожей. А Бурхард, епископ Вормский, в книге своей Corrector, sive Medicus[85] предписывал поститься в течение года тем, кто от некрепости души своей опускался до языческих верований в ведьм. Также можно вспомнить ad hoc[86] и прославленного Иоанна Солсберийского, отвергавшего веру в ведьмовство как нелепую игру воображения несчастных женщин и безграмотных мужчин, не обретших подлинной веры в Господа.

– Ты бы еще вспомнил времена императора Веспасиана, – пробурчал в ответ доминиканец, махнул рукой и растворился в толпе.

– А по салическим законам времен того же Карла Великого, – повернулся знаток древних текстов к торговке, – тот, кто бездоказательно назовет свободную женщину колдуньей, присуждается к уплате двух с половиной тысяч денариев.

– Это каких денариев, наших, что ли, с леопардом? – испуганно захлопала глазами торговка.

Молодой человек что-то ответил ей, но Ивар не расслышал. Впереди, в центре толпы, явно что-то назревало. Ря-

---

[85] «Исправитель, или Врачеватель» (лат.).

[86] По этому случаю (лат.).

дом с окруженными каготами Ивар увидел шестерых парней, происходивших, судя по одежде, из семей зажиточных. Верховодил ими щуплый юноша, почти подросток, в черно-желтой котте и длинноносых пуленах[87].

– А правду ли говорят, что каготы никогда не сморкаются? – глумливо спрашивал он у лобастого кагота с приколотым к рубахе цветком флердоранжа. – Расскажи нам тогда, сколько фунтов соплей ты съедаешь за день.

Приятели его дружно загоготали, а за ними и зеваки вокруг. Лобастый же кагот едва сдерживался, чтобы не вцепиться в петушиную шею распоясавшегося недоросля. Точнее, сдерживала его девушка в синем платье. Одной рукой она крепко ухватила его за локоть, сжимая в другой какой-то сверток. Приглядевшись, Ивар увидел, что это была игрушка: тряпичный медвежонок или что-то навроде того.

– Послушай, Арро, – обратился к белобрысому задире тот худой длинноволосый незнакомец, что недавно щеголял знанием салических законов, – и не надоело тебе еще? Если она так тебе нравится, отчего ж не посватаешься? Или боишься, что папенька лишит наследства, если женишься на каготке? Ха, обязательно лишит! Ну так ты сам выбирай, что тебе дороже – а не бесись тут от бессилия.

Однако спокойный тон незнакомца лишь еще более раздорил распалившегося паренька.

– Да ты кто тут такой, чтобы мне указывать?! Всякий

---

[87] Пулены – кожаная обувь без каблуков с удлиненными носами.

приблудный прихлебатель будет мне советы раздавать свои сраные! Иди советуй чертям в Аду, как им жарить твоего еретического папашу! Или возвращайся к своему Буридану и занимайтесь там дальше своими богомерзкими науками! А у нас тут свои науки, правда, парни?

Приспешники Арро живо поддакнули.

– Вот все говорят, что каготы будто бы рождаются с хвостиками наподобие поросячьих. Кто-то верит в это, кто-то нет. А что говорит об этом наука? – Арро обвел взглядом толпу собравшихся. – Молчит наука? Ну так давайте же займемся подлинной наукой, наукой жизни! Давайте, парни, приспустим портки с этого вонючего кагота, чтобы все, наконец, убедились, есть у него хвост или нет!

Толпа возбужденно-одобрительно загудела. Пятеро молодчиков принялись окружать жениха-кагота, двое друзей последнего попытались преградить им путь. В образовавшейся толчее Ивар перестал видеть, что происходит, пока вдруг не услышал истошный вопль Арро:

– Все смотрите, смотрите все! У него с собой нож! У кагота нож!

Толпа снова загудела, на этот раз возмущенно, хаотично заерзала, словно облитый водою улей. Ивар попытался выбраться из давки. Кто-то пихнул его локтем в ребро, кто-то больно наступил на ногу, прямо на мизинец, деревянным патеном[88].

---

[88] Патены – обувь на деревянной подошве, напоминающая современные сан-

И тут вдруг раздался истошный женский вопль. Толпа замерла, охнула и принялась растекаться в разные стороны. За считанные мгновения на перекрестке не осталось почти никого. Ивар увидел, как незнакомец – тот, что пытался урезонить Арро – склонился над скрючившимся на земле женихом-каготом. Рядом на коленях стояла невеста в синем платье и как-то по-детски трясла лежавшего за руку, словно уговаривая его проснуться. По белой рубахе жениха медленно расползалось темно-красное пятно.

Незнакомец в балахоне разорвал на лежавшем рубаху и попытался перевязать рану. Но кровь не останавливались. Тогда они втроем, вместе с друзьями жениха, подхватили потерявшего сознание раненого и потащили его в церковь Сент-Круа. Вслед за ними побрела девушка в синем котарди да пара церковных нищих, вырванных скандальным происшествием из вечной полудремы.

Ивар остался на перекрестке один. Ничто здесь и не напомнило бы о произошедшем, если бы не лужица черной крови на пыльной земле. Да еще игрушка, втоптанная в землю. Иван нагнулся, поднял ее, отряхнул от пыли. Первой мыслью было догнать девушку и вернуть игрушку ей. Но вряд ли ей сейчас до несуразных безделушек. Краем глаза Ивар заметил приближающихся сзади городских стражников, которых вел за собой один из местных торговцев-скобянщиков. В эту минуту из ворот церкви выбежал ризничий,

---

далии.

увидел Ивара и срывающимся голосом крикнул ему:

– С-срочно беги за братом Безианом! – Заметив недоумевающий взгляд Ивара, ризничий поспешно добавил: – Это наш л-лекарь. Он должен быть в лазарете, быстрее!

– Где у вас лазарет?

– С-сразу за странноприимным домом! Быстрее же!

Не теряя времени, Ивар что есть духу помчался к воротам аббатства.

***

В лазарете лекаря не оказалось. Один из отдыхавших там после кровопускания стариков предположил, что лекарь, должно быть, занят на травяных грядках. Прежде чем бежать туда, Ивар заскочил к себе в келью и бросил игрушку на матрац – чтобы не выглядеть нелепо в глазах монахов.

На выходе из странноприимного дома он носом к носу столкнулся с лекарем Безианом. Ивар рассказал ему вкратце о произошедшем: что на площади перед церковью ранили какого-то кагота, что раненого занесли в церковь и что ризничий послал Ивара за лекарем. Брат Безиан долго не раскачивался, лишь сбегал в лазарет за своей сумкой – и вскоре они с Иваром уже входили в притвор церкви Сент-Круа.

Раненый кагот лежал недвижно на каменном полу, прижав к животу неестественно выкрученные руки. Рядом с ним молча стояли ризничий и тот молодой горожанин с высо-

ким насмешливым голосом. Ни друзей кагота, ни девушки в церкви уже не было.

– Поздно, – бесстрастным голосом обронил молодой горожанин. – Нож задел жизненные токи, его было не спасти.

– Кто знает, любезный Дамиан, – возразил лекарь, склоняясь над телом. – Все в руках Господа!

– Ну-ну, – скептически скривил тонкие губы тот, кого назвали Дамианом. – Чем попусту терять время, лучше бы сообщили своему аббату, что городские стражники опять нарушили ваше совте.

– Как?! – возмущенно поднял взгляд лекарь.

– Увы, брат Безиан, – сокрушенно подтвердил ризничий. – Я пытался объяснить им, что площадь перед церковью относится к аббатскому совте, но все без толку. Эти остолопы лишь упрямо твердили, что у них приказ мэра. Какой мэр, какой приказ – когда у нас грамота от самого Гийома Великого?!

– И что сделали эти нечестивцы? – поднимаясь с колен, спросил лекарь.

– Забрали обвиняемую в убийстве к себе, в городскую тюрьму под мэрией.

– Обвиняемую? – вмешался Ивар. – И кто же эта обвиняемая?

– Тот торговец, что привел стражников, будто бы своими глазами видел, как каготка зарезала своего жениха, а двое других каготов покрывают ее, пытаются выгородить. – Риз-

ничий с досадой смотрел на испачканный кровью пол притвора.

– Брат Безиан, а что за совте нарушили стражники? – спросил Ивар лекаря, неспешно собиравшего свою сумку.

– Это тебе пусть наш любезный Дамиан объяснит, – с неохотой ответил лекарь. – Он у нас тут вечный всезнайка.

Не обращая внимания на колкости в свой адрес, Дамиан, кивнув в сторону Ивара, спросил лекаря:

– А это кто такой?

– Наш новый скриптор из Англии, Иваром звать, – отозвался лекарь. – Увы, ты был прав, Дамиан: жизнь покинула это бренное тело. И вот что нам теперь с ним делать?

– Когда я стоял в толпе, – вмешался Ивар, – мне показалось, что те каготы как будто поджидали кого-то со стороны ворот Сент-Круа. Одна торговка еще сказала, что они будто бы пришли венчаться в нашу церковь. Может, подождать на площади, вдруг приедут их родственники?

– Разумно, – кивнул головой ризничий. – Только недолго, а то скоро к вечерне звонить.

– Так все же, что это за совте такое? – обратился Ивар к Дамиану.

– Если в двух словах – земля, находящаяся под защитой Церкви. На нее не распространяются законы города или сюзерена. Когда-то такие территории создавали, чтобы крестьяне охотнее отправлялись осваивать новые земли. Потом на их место пришли бастиды.

– А почему совте находится прямо внутри города?

– Изначально оно было в пригороде. Но когда построили третью стену, обхватив часть аббатских земель, тогда оно и оказалось внутри. Только жюраты с монахами до сих пор спорят о точных границах.

– Спорить тут не о чем, – решительно возразил ризничий. – Границы эти известны, и чужого нам не надо! Это горожане всё тянут свои алчные лапы к чужому. Мало им своих таверн да ремесленников, обязательно нужно еще да еще прихватить!

– Для чего это им? – поинтересовался Ивар.

– Жители совте, – менторским тоном принялся рассказывать Дамиан, – в том числе трактирщики, освобождены от пошлин на вино, а ремесленники не платят за патенты[89]. По крайней мере, так трактуют свои права клирики. Жюраты же считают, что совте – это не более чем место прибежища беглых преступников, откуда они могут писать свои прошения или вести переговоры с родственниками жертвы. Как бы то ни было, и те, и другие сходятся в том, что нельзя арестовывать преступников, укрывшихся на территории совте. Поэтому стражники, забравшие каготов, скорее всего, получат по шее. И хорошо, если просто отделаются публичным покаянием и небольшим штрафом.

Лекарь Безиан и ризничий разошлись по своим делам, а Ивар и Дамиан встали на углу церкви, время от времени

---

[89] Разрешения на право заниматься тем или иным ремеслом.

поглядывая в сторону ворот Сент-Круа. После небольшой паузы Ивар спросил:

– Быть может, вопрос мой неуместен, но все же: отчего наш лекарь назвал тебя всезнайкой?

– Да оттого, что ревнует, – рассмеялся Дамиан. – Брат Безиан с грехом пополам проучился пару лет на медикуса в Париже, причем давным-давно, а я скоро стану магистром медицины в Монпелье. А как ты понимаешь, медицинская школа в Монпелье – это тебе не тупые парижские костоломы. И это опричь того, что я учился свободным искусствам в Тулузе.

– Тогда ты наверняка знаешь, кто такие эти каготы, о которых мне уже успели наговорить всяких странностей?

– И что именно тебе понарассказывали?

– Что они прокаженные – хотя никаких видимых признаков лепры у тех четырех каготов я не заметил. Что они воняют, что у них уши без мочек, что они потомки готов и каких-то басахонов, что у них на ногах перепонки как у жаб – ну и все в таком роде.

– Да, все это было бы весело, если бы не было так печально, – покачал головой Дамиан. – Однако меня удивило, что тебе знакомо слово «лепра». Ты знаешь греческий?

– Немного, – сдержанно улыбнулся Ивар.

– Вот как? Редкий случай в нашем торгашеском городке. Однако разговор о различиях между лепрой и проказой заведет нас слишком далеко. Конечно же, у каготов нет никаких

перепонок, поросячьих хвостиков, ушей без мочек, огромного зоба и всякого такого. А если и есть, то немногим больше, чем у обычных людей.

– Тогда почему про них говорят такое?

– Почему? Потому что людям нужны изгои. Ведь ничто так не возвышает тебя в собственных глазах, как унижение ближнего. Ничто так не подчеркнет белизну твоих одежд, как нечистоты на платье соседа. И правители совпадают в этом с простецами. Ибо если желаешь править – разделяй. Хочешь отвлечь и сплотить своих подданных – укажи им врага, кого-то, отличного от них. Нет врага – выдумай. Иначе они выплеснут свою слепую злобу на тебя самого.

– Так эти каготы действительно потомки сарацинов?

– Кто их знает. Да это и не столь важно. Я думаю, что нет. Кто-то из них, быть может, и носит в себе сарацинскую кровь – но сколько ее там? Есть те, кто считает, что они – потомки готов, когда-то изгнанных франками с этих земель. Я в это не очень-то верю. Скорее уж я поверю в то, что они правнуки лангедокских катаров, сбежавших от римской инквизиции более века тому назад. Или осколки каких-то других сект. Или перебежчики из-за Пиренеев, в том числе иудейских кровей. Большинство же, я думаю – просто потомки беглых сервов, младших сыновей, бродяг, нищих и прочего сброда. Всех тех, кому не нашлось достойного места в этой жизни. Наверняка среди них были и прокаженные: сбежавшие из лепрозориев, заразившиеся по пути в Компостелу

или еще как. Но больные лепрой давно умерли, а стигма прокаженных – осталась. Ибо проказа – та, что именуется иудейским словом «цараат» – есть не просто телесный недуг. Это грехи отцов, проклятие, наложенное Господом на предков. Так пишут авторитеты: Руф Эфесский, Авиценна, многие. Если, конечно, нам не соврали Герард Кремонский и прочие известные толмачи.

– И что же за грехи отцов ведут к прокажению рода?

– Возжелание зла другим и грех злословия. В том числе, злословия на Господа, сиречь еретические речи, как это любят трактовать наши клирики. Вспомним, как Мириам, сестра Моисея, за злословие о брате своем покрылась проказой аки снегом. Вместе с тем, в библейской истории про пророка Елисея и слугу его Гиезия мы не видим злословия, видим лишь алчность и лживость. А был еще Святой Иероним, утверждавший, что больные чешуйчатой или слоновьей болезнью рождаются от соития с женщиной во время регул, поелику плод впитывает в себя оскверненное семя. Все это очень… занятно.

– Но почему этих каготов называют вонючками?

– А почему называют вонючками еретиков, евреев, сарацин? Вонь, грязь, разложение, похоть, разврат – вот те отмычки, что ловчее всего вскрывают дверцы людской души, человеческой «психе». Про каготов я каких только нелепостей ни слышал: что они высокомерны, болтливы, необузданны – но разве это не портрет типичного гасконца? Что

они скупы, вероломны и похотливы – но разве это не образ типичного иудея?

– Я слышал, им дозволено появляться в городе только по понедельникам. Где же они живут тогда?

– В небольших деревеньках под городом, в своих замкнутых крестианариях. Это от слова «крестиан». Так их обычно записывают в церковных книгах, вместо фамилий: Крестиан или Кагот. Даже когда крестят их новорожденных, во мраке ночи, церковные колокола молчат: кагот с пеленок должен знать, что в этом мире не рады его появлению.

– И чем они занимаются в этих своих крестианариях?

– Считается, что дерево и железо не передают проказу. Поэтому каготы обычно работают плотниками, бондарями, дровосеками, углежогами, гробовщиками. Или палачами. Ставят виселицы, сколачивают позорные столбы, дыбы и прочую инфернальную параферналию. За это их «любят» особо. А еще за то, что они освобождены от некоторых податей и повинностей. Вместе с тем, они работают не только с деревом и железом: среди каготов нередко можно встретить костоправа или повитуху. Каким бы странным это ни казалось, но в данном случае никакая проказа горожан не пугает. Сдается мне, что уже не осталось почти никого, кто верил бы в заразность каготов – но это не мешает и дальше держать их в огороженном коррале[90], как изгоев. Чтобы какой-то горожанин выдал свою дочь за кагота? Да пусть луч-

---

[90] Корраль – загон для скота.

ше она станет уличной девкой – всё меньше бесчестья. Да и самим каготам запрещено жениться на «обычных» людях. Им вообще много чего запрещено: носить оружие, даже ножи, входить в церковь через главные врата – для них сделаны низенькие боковые дверцы, а внутри церкви – отведены отдельные скамьи. Запрещено стирать белье и умываться в одном источнике со «здоровыми» – у каготов для этого имеются свои колодцы и ключи. Запрещено прикасаться к продуктам на рынке, входить в хлебные и мясные лавки, в таверны. Ну и, разумеется, хоронят их тоже на отдельных кладбищах.

Увлекшись разговором с Дамианом, Ивар не заметил, как сбоку к ним подошли двое: пожилой, чуть сгорбленный мужчина с остатками курчавых волос на бронзовой от загара голове и немолодая, уже начавшая седеть женщина с испуганно-встревоженным взглядом темно-карих глаз. Дождавшись, когда Дамиан закончит говорить, женщина слегка дрогнувшим голосом спросила:

– Вы… вы не видели здесь девушки, такой темноволосой, в синем котарди?

***

– Вы родители ей? – после затянувшейся паузы спросил Дамиан у подошедших – судя по красным нашивкам на одежде, каготов.

Женщина молча кивнула.

– Ее забрали городские стражники, – отводя взгляд, произнес Дамиан.

– Забрали?! Почему? – губы женщины едва заметно дрогнули.

– Будто бы она причастна к убийству своего жениха. Его зарезали в толпе, вот там, перед церковью…

В этот момент кто-то коснулся сзади плеча Ивара. Обернувшись, он увидел перед собой незнакомого монаха.

– Ты тут Ивар? – спросил монах и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Тебя разыскивает брат Гиллен. Он сейчас, наверное, в странноприимном доме или идет сюда.

– Брат Гиллен? Кто это?

– Наш наваррский гость-францисканец. Которого ты объел сегодня в трапезной, – хихикнул монах.

– А, этот, – вспомнил Ивар. – Так он из наваррцев? По виду так больше смахивает на гибернийца[91].

– Ты вон тоже не особо-то похож на англичанина, – пожал плечами монах.

Ивар собирался было ответить, что он и не англичанин вовсе, но монах опередил его, кивая головой в сторону аббатских ворот:

– А вон и он сам, легок на помине.

Со стороны ворот к ним приближался тот самый седой кордельер, чье место Ивар по ошибке занял в трапезной. Подойдя ближе, францисканец подозрительно покосился в сто-

---

[91] Ирландца.

рону – туда, где Дамиан разговаривал с каготами, затем пробежался острым взглядом по Ивару, после чего негромким твердым голосом произнес:

– Я пришел, чтобы просить прощения, брат.

– Прощения?! За что? – удивился Ивар.

– Устав Святого Франциска велит нам не затевать ссор, ни словесных схваток, ни осуждать других, но быть миролюбивыми, покорными и кроткими, – по тону францисканца не вполне было понятно, говорит ли он всерьез или же втайне насмехается. – Также устав братьев-бенедиктинцев, гостеприимством которых я беззастенчиво пользуюсь, предписывает замириться до захода солнца с теми, с кем разделила тебя распря в этот день. Держишь ли ты на меня обиду, брат Ивар? – удлиненное веснушчатое лицо наваррца, казалось, еще более вытянулось в смиренном ожидании ответа.

– И в мыслях не было, брат Гиллен, таить на тебя обиду. Наоборот, это я должен просить извинить меня, что поневоле и не со зла занял твое место.

– Ну и прекрасно, – удовлетворенно кивнул францисканец. – В таком случае не смею более отвлекать тебя, брат, от твоих несомненно важных дел. – Отвесив легкий поклон, старик направился по своим делам, в сторону церкви Сен-Мишель.

Со стороны реки донесся резкий запах тухлятины. «И здесь эти проклятые дубильни!» подумал Ивар и обернулся. Ни Дамиана, ни каготов на площади перед церковью

уже не было. Лишь тягучий звон аббатского колокола, созывавшего монахов к вечерне, нарушал тенистую тишину летнего вечера.

***

Пыльная дорога бежала вдоль каштановых рощиц, пыхавших пахучим июньским зноем, огибала влажные торфяники, поросшие мхом и пушицей, ныряла в высокую траву сочных лугов, усыпанных клевером, сивцем и синими пирамидками гадючьего лука, над которыми тут и там вспыхивали яркие крылья шашечниц и голубых стрекоз. Легкий ветерок доносил откуда-то издалека освежающий запах речной воды. Суетливые воробьи купались в дорожной пыли, деловито отряхивались, с подскоком взлетали и скрывались за опушкой леса; в иссиня-лазоревом небе, спускаясь все ниже и ниже, со свистом кружились стайки черных стрижей.

Дорога вела на юг. Пятеро странников неспешно шагали по ней, вслед за уходящим вправо полуденным солнцем. Первыми шли Арно де Серволь и Бидо Дюбуа. За ними, донимая своими расспросами, увязался щербатый Мартен Грожан. Замыкали процессию Гастон Парад и леонец Керре, о чем-то оживленно спорившие между собой.

– И зачем вообще учатся в этих ваших университасах? – не унимался Мартен.

Разморенный солнцем и дорогой, Арно отмалчивался,

в то время как Бидо, обычно немногословный, терпеливо пытался объяснить деревенскому парню вещи, казалось бы, очевидные:

– Ну, смотри. Во-первых, oratores. То есть те, которые молятся. Как учил Адальберон Ланский, одни молятся, другие воюют, третьи трудятся, а вместе их – три разряда, коих обособление непереносимо.

– Брат Бидо, – усмехнулся Арно де Серволь, – я бы на твоем месте не сыпал столь густо жемчугом твоих университетских познаний. Вряд ли брату Мартену интересно знать, что там писал какой-то Адальберон, тем более Ланский.

– Кто знает, брат Арно, – кротко улыбнулся Бидо. – Быть может, в нашем Мартене сокрыты таланты будущего робера сорбонского[92], также родившегося в семье простого крестьянина. Ведь не вкусив плода познания – не пристрастишься к нему.

– Ну-ну, вкушайте, – махнул рукой Арно.

– Итак, oratores, сиречь священнослужители различных чинов. Их же нужно обучать, так ведь? А для сего и существуют studia generalia, то бишь университеты, пришедшие на смену школам при соборах, монастырях и школам нищенствующих орденов. Второе – законники: легисты и декретисты. То бишь сведущие в законах мирских и канонических. Их обучают на факультетах права гражданского и пра-

---

[92] Робер де Сорбон – французский теолог XIII века, основатель Сорбоннского коллежа, духовник короля Людовика IX Святого.

ва канонического. В первую голову, в Болонье, что в Италии, а также в Тулузе. Третьи – медикусы. Не те хирурги, брадобреи и банщики, что вскрывают чирьи, пускают кровь по любому поводу и дергают зубы с сатанинской ухмылкой, а настоящие медикусы, не марающие рук своих нечистой кровью. Их учат в Монпелье. И, наконец, теология – госпожа Высокая Наука. Все лучшие теологи выходят из Латинского квартала.

– Откуда? – не понял Мартен.

– Это квартал в Париже, на левом берегу Сены. Там расположены почти все университетские коллежи. Я, например, жил в Наваррском, а Арно – в Нарбоннском, потому что он с юга, а в Наваррский принимали вообще отовсюду, главное – чтобы схолар считался бедным и не имел бенефиция.

– После того как ты ушел, – заметил Арно, – я тоже два года жил в Наваррском.

– Да? – удивился Бидо. – Но ты же не бедняк, как тебя взяли?

– Ты же знаешь, составить правильный документ никогда не было для меня проблемой, – улыбнулся Арно. – Порядочки там у вас, конечно, жуткие. Два богослужения в день – какой святоша-остолоп всё это выдумал?

– Да кто ж его знает, – пожал плечами Бидо и снова повернулся к Мартену. – В общем, когда мы познакомились с Арно, он подсказал мне, что нужно сделать, чтобы меня записали с Наваррский коллеж: какие документы с собой взять, ка-

кого куратора[93] напоить дорогим бордосским вином, чтобы получить privilegium paupertatis: денежное содержание и бесплатное проживание.

– И что делают в этих коллежах? – непонимающе мотнул головой Мартен. – Зачем они?

– Ну смотри, – обреченно вздохнул Бидо. – Строго говоря, университет – это просто сообщество: сообщество учащих и учащихся, universitas magistrorum et scholarium, что-то вроде ремесленного цеха. У него тоже есть свои мастера – магистры и доктора, свои подмастерья – лиценциаты и бакалавры, и свои ученики – схолары. То есть, университет – это не место, а люди. Сие слово есть universalium, общее понятие. У университета нет ни собственных зданий, ни земли. Магистры обыкновенно арендуют у города помещения для своих школ, где в ненастную погоду будут проводить занятия со схоларами. Схолары, кои, в массе своей, прибывают из других городов и весей, тоже могут арендовать жилье в городе. Но это довольно дорого и не каждому по средствам. Для этих случаев и учреждаются коллежи, или хоспиции – дома, где небогатые схолары живут с магистром или одни. Естественно, без жен, ибо схолар, как и любой клирик, обязан блюсти обет безбрачия.

– Для чего? – простодушно спросил Мартен.

– Чтобы не разрывать сердце свое между любовью к Христу и любовью к женщине. Дабы с бóльшим усердием слу-

---

[93] Уполномоченное лицо епископа, руководившего коллежем.

жить Господу и людям. К тому же, духовное лицо уже обручено – со Святой Церковью, измена которой, incestus spiritualis, карается отлучением.

– Но ведь есть же священники, которые живут с женщинами, и ничего им за это не бывает, – недоверчиво заметил Мартен.

– Есть. Но, как говорится в таких случаях, si non caste, tamen caute. «Если не можешь жить в целомудрии, хотя бы соблюдай приличия». То есть не выставляй свою греховную связь напоказ – тогда епископ, быть может, и закроет глаза на твое беспутство. Но мы отклонились от темы. Кроме целибата, схолары, как всякие духовные лица, должны носить робу и тонзуру[94], поскольку принадлежат к малым чинам…

– Подожди ты про чины, – перебил его Мартен, – я не понял про эти коллежи. Они чьи и откуда взялись?

– Ты хочешь спросить, как они появились? – Бидо снял шляпу и вытер рукавом потный лоб. – Ну, например, некий влиятельный сеньор, светский или церковный, возжелает, чтобы слово Божье распространялось по Земле. Тогда он может приобрести в городе подходящее здание и распорядиться, чтобы впредь в нем проживали, скажем, восемнадцать схоларов из числа земляков благодетеля. А если денег на целое здание у него не хватает, он может пожертвовать bursae

---

[94] Тонзура – выстриженное место на макушке, знак принадлежности к духовному сословию.

volantes[95], скажем, для стольких-то его земляков, чтобы те могли учиться теологии в Париже.

– И зачем ему это? – недоумевал Мартен.

– А они взамен будут молиться за него: допустим, каждую ночь пропевать семь покаянных псалмов.

– Чудно всё это… – Мартен шмыгнул носом и смахнул с плеча медно-золотую шашечницу. – И много таких университетов имеется в христианском мире?

Бидо немного подумал и принялся загибать пальцы:

– Самый именитый – разумеется, парижский. Как говорится, «у итальянцев есть Папа, у немцев – Император, а у французов – Университет». Потом – итальянская Болонья, славящаяся своими легистами. Потом, Монпелье и Тулуза на юге, Оксфорд с Кембриджем – в Англии, еще какие-то в кастильских землях… Арно, ты не помнишь?

– Паленсия и Саламанка, кажется, – ответил Арно. – Есть еще в Италии: в Парме, в Реджио, в Пьяченце… Да всех разве упомнишь? Их в последнее время расплодилось – как жуков навозных: в Авиньоне, в Гренобле, в Пизе, даже в задрипанном Кагоре – и там свой университет проклюнулся. Формально они, конечно, вроде как равны между собой, но все же прекрасно понимают, что парижский доктор теологии – не ровня какому-нибудь кагорскому докторишке.

– И долго учиться в этих ваших университетах? – продолжал допытываться Мартен.

---

[95] Индивидуальные стипендии.

– Для всех по-разному, – ответил ему Бидо. – Обычно в университет записываются лет в четырнадцать, сначала на факультет свободных искусств. Там тебя приписывают к одной из четырех Наций…

– Это что еще за поруха? – шмыгнул носом Мартен.

– Всего есть четыре Нации, подобно тому как четыре потока проистекают из Сада Эденского: французская, пикардийская, нормандская и английская, или англо-немецкая. Ибо англичан сейчас в наших университетах сильно поубавилось. Мы с Арно относились к французской Нации, строго говоря – к «схоларам провинции Бурж». Там еще с нами были итальянцы и всякие шику[96] из-за Пиренеев. В общем, Нации – это такие землячества, которые поддержат в трудную минуту: деньгами выручат, письмо на родину отправят с нунцием[97], в суде словечко за тебя замолвят – или перед властями.

– А также пожитки твои скудные родственникам отправят, ежели ты вдруг, на полях Паллады сражаясь, волею Божией помре, – вставил, не оборачиваясь, Арно.

– Да, или так, – подтвердил Бидо. – Паллада – это богиня мудрости языческая, не запоминай. Так и на чем я остановился?

– Про свободные искусства что-то, – напомнил Мартен. – Только я не понял, от кого они свободные?

---

[96] Простонародное название жителей Кастилии и Арагона.

[97] Здесь: специальный посланник.

– Artes liberales, то бишь свободные искусства, зовутся так потому, что достойны свободного человека, ибо не требуют физического труда и не уповают на вознаграждение. В отличие от artes mechanicae, или ремесел, таких как строительство, кузнечное дело и прочая, которыми могут заниматься и рабы. Так вот. На факультете свободных искусств ты учишься лет шесть, то есть годов до двадцати, а то и дольше. Там ты изучаешь сначала тривий, сиречь грамматику, риторику и диалектику[98], а затем – квадривий, то бишь арифметику, геометрию, астрономию и музыку. Потом оплачиваешь магистру экзамен, проводишь выпускную гулянку и становишься бакалавром. То есть получаешь право преподавать, но не как полноценный магистр, а с ограничениями. Потом можешь записаться на один из «старших» факультетов: теологии, римского[99] или канонического права, либо же медицины. Хотя в Париже римское право не преподают, дабы не отвращать молодых людей от истинной науки – теологии.

– Бидо, ты еще помнишь слово «пропедевтика»? – обернувшись, рассмеялся Арно. – Как там учил нас магистр Сермуаз: «Свободные искусства суть лишь подготовительный этап к изучению теологии, для которой достаточно и тривия, ибо науки квадривия, хоть и содержат истину, не ведут к благочестию…

– «… меч же Господень выкован грамматикой, заточен

---

[98] Здесь: логику.

[99] Здесь: гражданского.

логикой и отшлифован риторикой, но только теология может пользоваться им», – улыбнувшись, закончил фразу Бидо. – Воистину, странные вещи сохраняются в сердце сквозь столькие годы, порой, казалось бы, и ненужные вовсе. Правы были древние арамеи: учение в молодости – резьба на камне, в старости же – черчение на песке.

– То есть в двадцать три годика сдаешь ты эти свои экзамены – и что дальше? – снова вмешался Мартен.

– Экой ты шустрый, аки блоха оголодавшая, – усмехнулся Бидо. – Можно, конечно, и в двадцать три стать магистром. Бакалавр свободных искусств может преподавать в школе[100] или получить место приходского священника в небольшом городке. Те же, кто жаждет большего и чей ум стремится к познанию – записываются, например, на факультет права. Ибо знающий законы становится защитной башней для друзей и источником смятения для врагов.

– И долго учить эти законы?

– Обычно лет пять или шесть уходит. А на изучение теологии – не менее восьми. Хотя многие учатся и по пятнадцать, и дольше. У нас, помню, учился один итальянец из Падуи, по имени Джакомо – так он записался на факультет искусств тогда, когда я еще и не родился даже. А когда я ушел из университета, он все еще числился на факультете теологии, хотя к тому времени ему уже перевалило за сорок. А еще в книге одного итальянского диктатора говорится про некоего схо-

---

[100] Здесь: в университете.

лара, который учился аж двадцать восемь лет.

– Что еще за диктатор? – спросил, почесывая нос, Мартен.

– Так называют авторов сочинений по ars dictaminis, сиречь мастерству написания писем. В сочинениях тех можно найти «цветы», иначе говоря – образцы для составления писем на все случаи жизни. Только заменяешь имена да названия мест – вот и готово письмо.

– А почему не написать письмо самому? Неужели для этого нужно специально учиться за деньги?

– Зачем заново изобретать то, что до тебя уже придумали совершенные умы прошлых лет? – недоуменно пожал плечами Бидо.

– А почему ты пошел учиться в Париж? Ты же из Бретани, вроде как? У вас там нет своих университетов?

– У нас там не то что университетов, у нас там священников-то грамотных – раз два и обчелся, – вздохнул Бидо. – Вон у Арно есть хотя бы Тулуза…

Арно обернулся и кивнул головой:

– Это так. Поначалу я собирался отправиться в Тулузский университет, записаться там на факультет канонического права. Как у нас говорят: в Париже – глазеть, в Лионе – иметь, в Бордо – веселиться, в Тулузе – учиться. Но в конечном счете родитель мой настоял на столице королевства. Дескать, в Тулузе слишком распущенные нравы, тулузские магистры имеют дурную репутацию в высших кругах Церкви, будто бы все они там тайные еретики и недобитые ката-

ры. К тому же, в Тулузе нет теологического факультета. Конечно, можно было потом перебраться в Париж, совершить peregrinatio academica[101], но родитель мой сказал, что лучше с самого начала пускать корни в столице, обзаводясь нужными знакомствами, знанием того, что и как делается. Пришлось покориться родительской patria potestas[102]. Хотя у меня от этой теология с самого начала скулы сводило. То ли дело Тулуза с ее «Консисторией веселого знания», с ее певучим ланге д'ок[103], который не сравнить с грубым франсиманским говором или шершавой латынью. В Тулузе можно встретить самого Раймуна де Курнета, последнего из трубадуров, или великого Гильема Молинье.

– Но согласись, брат Арно, что и мы неплохо провели свои младые годы на Соломенной улице? – Бидо с улыбкой почесал кулаком свой мясистый бретонский нос.

– Ты так говоришь, словно уже состарился, – ответил ему Арно. – Сколько тебе сейчас, двадцать пять?

– Двадцать шесть почти. Я же двумя годами младше тебя. А помнишь, как ты придумал поженить «Веселого англичанина» и «Подвыпившую свинью»?

– Это как? – не понял Мартен.

– Это были два такие кабачка в Латинском квартале. Один назывался «Веселый англичанин», у него на вывеске еще

---

[101] Переход студента в другой университет и продолжение обучения в нем.

[102] Отцовская воля (лат.).

[103] Окситанским языком.

красовался английский матрос в какой-то странной позе: как будто справлял малую нужду. А другой кабачок назывался «Подвыпившая свинья», и на вывеске, как несложно догадаться, была намалевана жирная свинья. Тогда как раз началась первая война с англичанами – не та, что три года назад, а старая, когда король наш[104] объявил о конфискации Аквитании за укрывательство изменника Робера д'Артуа, а английский сюзерен заявил свои претензии на французский трон[105]. Так вот, мы с Арно как-то ночью сняли вывеску с «Подвыпившей свиньи» и подвесили ее к доске с веселым матросом. Так сказать, подложили англичанину свинью. И стало выглядеть так, будто англичанин греховодит со свиньей, хе-хе-хе, – здоровяк Бидо не выдержал и разразился заливистым детским смехом.

– Правда, какая-то тля тут же донесла на нас ректору, и пришлось возвращать вывеску на место, – добавил Арно. – Ненавижу этих благоупитанных парижских торгашей с их жлобством и ханжеским тупоумием.

– А уж как они тебя ненавидят, несложно представить! – улыбнулся Бидо.

– Это да, – согласился Арно. – Кому ж понравится, когда тебе всю ночь кидают камнями в окно, да еще и норовят обесчестить твою дочурку, твое ненаглядное прыщавое сокровище. Так что восславим мудрость покойного Филиппа

---

[104] Филипп VI Валуа.

[105] В 1337 году.

Августа и те привилегии, что даровал он парижским схоларам.

– Что еще за привилегии? – казалось, расспросам Мартена не будет конца.

– Их много, – сдвинул кустистые брови Бидо. – Есть апостольские – те, что от Папы. И есть королевские. Главная из них – неподсудность схоларов светским властям и парижскому прево. Кроме дел гражданских, кои наш король недавно передал под руку Шатле. Если же схолар совершит преступление, то прево не имеет права задерживать его, кроме некоторых особо вопиющих случаев, а если задержит – должен немедленно передать виновного епископу. А церковный суд, тем более по отношению к любимчикам-схоларам, обычно снисходительнее, чем светский.

– Неплохо, – хмыкнул Мартен. – Похоже, от вашей науки все же есть какая-то польза.

– И это только начало, – улыбнулся Бидо. – Схолар, как и любой клирик, не может быть подвергнут телесным наказаниям, отсечению членов, а также пыткам, кроме пытки водой. Его нельзя посадить в тюрьму за долги. Он, в отличие от прочих горожан, освобожден от обязанности ходить в дозор и стоять на воротах. А самое приятное – он освобожден от большинства налогов. Чем многие схолары и пользуются беззастенчиво, к немалой досаде и разорению исконных горожан, – подмигнул Бидо шагавшему рядом Арно де Серволю.

– И правильно делают, – ответил тот. – Иначе эти торгаши задавили бы нас своей враждебной массой. Даже в Париже нашего брата едва наберется человек пять-шесть на сотню горожан. А те все со связями, укорененные, окопавшиеся в своих цехах. Еще недавно они драли с нас три шкуры за аренду их грязных промерзших сараев. Они всегда нас ненавидели: за то, что мы умнее их, смелее их, за то, что разговариваем не так, как они, за то, что нравимся их женам и девицам.

– А есть еще такая привилегия committimus, – вернулся к разговору о привилегиях Бидо, – иначе известная как jus non trahi extra. Вот, допустим, приплыл ты учиться в Париж издалека, из какой-нибудь Финской земли. А тут вдруг твой сосед на родине вызывает тебя в суд по какой-нибудь земельной тяжбе. И плывешь ты целый месяц в свою Финляндию, судишься там, потом месяц назад возвращаешься обратно. А через полгода другой сосед тебя истребует. В итоге – не учение, а сплошные разъезды туда-сюда. Чтобы пресечь такое, схоларам и дали привилегию committimus, чтобы они могли истребовать или защищаться в суде по месту своего обучения, например, в суде хранителей апостолических привилегий.

– Да вот только некоторые ушлые родители наших схоларов, – добавил Арно, – принялись шиканировать[106] этой привилегией. Допустим, живет себе такой папаша в той же Фин-

---

[106] Шикана – злоупотребление правом.

ляндии, а его сосед задолжал ему крупную сумму и не отдает. Тогда наш кредитор переписывает должок на своего сына-схолара, а тот уже вызывает соседа на суд в Париж. После чего папаша приходит к должнику и говорит: либо ты отдаешь долг прямо сейчас, либо через месяц, но с большой пеней, либо плыви в Париж – но только это тебе вдвое дороже встанет. А если должник на суд не прибудет, ему, понятное дело, присудят поражение из-за неявки, это уж без вариантов.

– А помнишь, брат Арно, – отпив из калабасы, вдруг улыбнулся Бидо, – как ты отомстил тому английскому всезнайке, что пытался «утопить» тебя своими вопросами на disputatio, во время экзамена?

– Он сам напросился, – смиренно ответил Арно. – Нечего было мучить бедных животных.

– Вы про что это, про каких животных? – влез между ними неугомонный Мартен.

– Про котов про черных, – ответил Арно, приглаживая бородку. – Говорят, после папской буллы Vox in Rama некоторые ревнители веры столь рьяно принялись умучивать усатых тварей, видя в них порождения диавольски, что вой кошачий стоял от Гибернии[107] до Гранады. Это еще с катаров пошло: якобы они на своих сборищах целовали под хвост черного кота. Даже Алан Лилльский – великий doctor universalis – и тот, то ли в шутку, то ли всерьез писал, что

---

[107] Ирландии.

катары-де происходят от слова «кот»[108], поскольку целуют в зад черного кота, в обличье которого является им сам Нечистый – отчего их правильнее было бы называть «кошатники».

– У нас в деревне мальчишки часто сжигали черных кошек в клетке над костром, – вспомнил Мартен. – Или обливали их лампадным маслом и поджигали, а потом гоняли палками по улицам. Правда, за это им влетало – так ведь и дома можно подпалить невзначай.

– По-разному народ забавлялся, – кивнул головой Арно. – Где-то котов с колокольни сбрасывали, где-то зашивали в мешок и пинали до тех пор, пока не получится месиво из обломков костей и кишок. Наш лиценциат Скоттингейт, конечно, до такого не доходил, но полоснуть ножичком по горлу приблудного кота нечистой масти – весьма непрочь был.

– И тогда Арно, – пригладил свои редкие волосы Бидо Дюбуа, – дождался весны и отправился ловить визглястых кошек по всем парижским закоулкам. Не знаю, что он с ними делал, но к вечеру принес какую-то вонючую шерсть в склянке, что-то мудрил с ней. Потом незаметно натер ею робу того англичанина. А еще принес угольной пыли, намешал ее в масло и обмазал этой смесью десятка два кошаков, что жили на чердаках коллежей. Да еще напоил их какой-то вонючей дрянью. И когда на следующее утро Скоттингейт отправился в аббатство Святой Женевьевы, за ним по всем Ла-

---

[108] Катарос – греч. «чистый», cattus – лат. «кот».

тинскому кварталу бежала дюжина черных котов вида совершенно дикого и необузданного: взлохмаченные, орущие благим матом и едва ли не кидающиеся на нашего бедного англичанина. То-то он тогда претерпел страху смертного! – снова засмеялся Бидо.

– Смех смехом, а мышам и крысам от всех этих кошачьих гонений раздолье вышло великое, – заметил Арно. – В последние годы этих голохвостых развелось – целые полчища.

– И все же я не пойму, – без обиняков спросил Мартен, – ну вот учились вы в этих ваших университетах – а смысл? Где же ваши тучные бенефиции, высокие посты при дворе, епископские мантии и всякое такое?

Арно продолжал мерно идти вперед, словно и не слышал вопроса, Бидо же, вздохнув, ответил:

– Господь Всемогущий так распорядился, что пришлось мне уйти из университета прямо накануне моей determinatio[109].

– Из-за котов? – усмехнулся Мартен.

– Нет. Не из-за котов. Я человека убил. Хотя человечек тот и был, прямо скажем, так себе, но лишивший жизни не может оставаться клириком. В общем, пришлось мне бежать из Парижа.

---

[109] Экзамен на звание бакалавра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.